

МИРЫ А. ВАЛЕНТИНОВА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

**ДИОМЕД,
СЫН ТИДЕЯ**

Книга вторая
ВЕРНУСЬ НЕ Я

ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Древняя Греция

Андрей Валентинов

**Диомед, сын Тидея.
Книга 2. Вернусь не я**

«Автор»

2001

Валентинов А.

Диомед, сын Тидея. Книга 2. Вернусь не я / А. Валентинов — «Автор», 2001 — (Древняя Греция)

Трудно ли быть богом? Не трудно – противно и мерзко. Диомед, сын Тидея, великий воитель, рад бы остаться человеком, но... Троя взята, бушует в крови небесное серебро, а значит, победителям нет места на родной земле. Боги и герои плывут через Океан. Впереди неведомая страна – и первый чемпионат Италии по футболу. Странная судьба выпала герою и богу Диомеду, заглянувшему в наши дни, чтобы прочесть на плакате: «Троянской войны не было!»

Содержание

Диомедовы острова[1]	5
Песнь первая	8
Строфа-I	8
Антистрофа-I	18
Строфа-II	28
Антистрофа-II	38
Эпод	44
Песнь вторая	46
Строфа-I	46
Антистрофа-I	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Валентинов

Диомед, сын Тидея. Книга 2. Вернусь не я

В такие времена побег – единственное средство, чтобы выжить и по-прежнему мечтать.
Анри Лабори

*К вам я пришел, о друзья,
с достославной войны,
Что затеял дурак-рогоносец...*

Лайош Мештерхази

Диомедовы острова¹ (Кеосский ном)²

Я понял – прощаться незачем.

Я уже попрощался.

Белая птица села на протянутую ладонь, укоризненно поглядела в глаза. Да, конечно, я не простился с тобой. Извини, птица! Извини – и прощай.

Хайре!

Почему-то в последние дни – в мои последние дни – я перестал видеть во сне людей. Только море, скалы, леса, пустыню – все, что довелось пройти. Винноцветные волны, бьющие в черный борт корабля, желтую степь по дороге в Хаттусу, заросшие кедром склоны Антиливана, песок у Аскалонских стен, окровавленную траву Фимбрийской равнины, зеленые рощи Лация...

Но чаще всего снился Океан – серое безвидное небо, туман над седой водой, вечный несмолкаемый гул равнодушных волн. Даже сейчас, сквозь неверную пелену летнего рассвета, я чувствовал его равнодушное дыхание. И только совсем недавно понял – это не зря.

Пора?

...Серый камень надгробия, еле заметные критские значки, идущие справа налево...

«Времени много создал Уранид³,
Только много не значит – бессчетно.
Жизни положен предел.
И Время подходит к концу».

Тогда, на острове Эола, я прочитал эту надпись вслух. Идоменей, стоявший рядом, сжал губы, еле заметно передернул плечами, словно над Полем Камней подул зимний ветер.

Я не прощался с тобой, загорелый дочерна критянин, последний Минос! Мы встретимся в Океане – там, куда нет дороги Крону-Времени, Крону-мертвецу, и наши призраки когда-нибудь обнимутся среди вечной пучины. И с тобой, Одиссей Любимчик, ведь, говоря, ты тоже

¹ Диомедовы острова – три небольших острова около западного побережья Италии.

² Кеосский ном – песня, исполнявшаяся в кругу друзей перед добровольным уходом из жизни (согласно обычаю жителей острова Кеос, отсюда и название).

³ Уранид – сын Неба-Урана, в данном случае – Крон-Время.

где-то за безвидной серой гранью. Не зря ты набрал Океанской воды в последний день перед тем, как мы увидели Италию!

Пора!

Я поглядел назад, на спящий в ранних рассветных лучах город, мой Аргос Гиппион, Аргос Конеславный⁴, на зеленый берег моей Италии. С тобой я тоже не прощаюсь, Италия-Этолия, Земля Телят! Прав был Протесилай Чужедушец, кончается все, даже Смерть, и когда-нибудь я снова пройду по серому прибрежному песку.

Нет, не я! Не я-прежний. Вернется кто-то другой, непохожий. Так всегда бывало, всю мою жизнь – такую долгую. Такую короткую...

– Ты – последний, Тидид! Последний из нас, кто был под Троей. Я скоро уйду, ты останешься. Наверное, страшно быть последним?

– Я не последний, Гелен! Может, еще кто-то в Элладе, на Востоке...

– Нет... Я ведь Прорицатель, не забыл? В Трое меня никто не слушал – как и мою сестру Кассандру. Но это я вижу... Ты останешься один, среди наших могил.

– Когда ты уйдешь, Гелен, уйду и я...

Гелен Прорицатель, сын Приама Троянца, когда-то чудом уцелевший в страшной резне на Фимбрийской равнине, ушел несколько недель назад. Мне долго не хотели сообщать, боялись, что старик – это я-то старик? – расстроится, станет плакать...

Я не плакал, Гелен, мой бывший враг, мой последний друг. Ведь мы с тобой тоже встретимся! И с тобою, Главк-побратим, когда-то протянувший мне руку возле желтого Скамандра, и с тобою, Эней Плакса, и с тобой, малыш Лигерон, и с тобою, Эвриал Смуглый! И со всеми остальными, кто ждет меня под стенами Трои...

Встретимся! Обнимемся у Ватийского холма!

Папа, дядя Эгиалей, дядя Эвмел, Амикла... С вами я не прощаюсь – даже сейчас. Ведь вы всегда были со мною – и теперь вы тоже здесь. И Ты, Светлая, чья красота блистала подобно Новогодней звезде над всей моей жизнью!..

...Мама! Все эти долгие годы я так надеялся, что мы все-таки увидимся. Твой сын уходит без Тебя, мама!

Белая птица не спешила прощаться – все летала рядом, заглядывала в лицо. Я улыбнулся, помахал ей рукой. Когда я уйду, останется сказка – сказка о старике, жившем на маленьком острове в окружении дивных птиц, которые не боялись людей. Уже сейчас поговаривают, что неспроста так часто бывает на этих островах Диомед Маурис, регус Великое Копье. Ибо там, среди голых скал, слетаются не птицы – собираются его друзья, когда-то бывшие людьми. Потому они так приветливы, потому так часто встречают корабли, идущие из Эллады.

...Не из Эллады, конечно. Из той земли, что когда-то была Элладой.

– Аргоса больше нет, Тидид. Волки воют на руинах Лариссы. Микены... Микен тоже нет. И Пилоса... И Спарты... Ты разрешишь мне умереть здесь, в Италии? Ведь твой город тоже называется Аргос...

– Зачем тебе умирать, Сфенел?

– Время... Я пережил мой Аргос, Диомед. Наш с тобой Аргос! Мне нельзя было оставаться там, но я всю жизнь хотел стать ванактом! Не ты был всегда вторым, Диомед... Но ты прав, Тидид, – проклят этот венец! И все без толку... Помнишь, дядя Амфиарай говорил, что я отдам тяжкую ношу сыну? Отдал... Мой Комет погиб у Трезенских ворот, когда дорийцы пошли на приступ. А я... А я все еще жив... Ты меня простишь? Хотя бы сейчас, перед смертью?

⁴ Аргос Гиппион (в наши дни – Сипонт) – город, основанный Диомедом на Адриатическом побережье. Возможно, древнейший город Италии из ныне существующих.

Простил ли я Капанида, моего бывшего друга? Когда мою душу станут расспрашивать у Белого Утеса, тогда я скажу правду.

Птица была уже не одна. Налетели со всех сторон, окружили, подняли крик – жалобный, отчаянный...

Не плачьте, птицы! Может, люди правы, и вы – действительно те, с кем я уже давно попрощался? Тогда вам незачем плакать! Не грусти, птица-Подалирий, не зови богов, птица-Калхант, не тревожься за своего ванакта, птица-Ром!..

Скажи, птица-Грес, волки тоже умеют летать?

Я подошел к самой кромке скалы. Море дышало рядом – тихое, безмятежное. Почему-то думалось, что все так и будет: раннее-раннее утро, море в розовой крови восхода, одинокий старик на черной скале. Все сделано, все сказано...

Все ли? Еще недавно казалось, что остановиться нельзя. Еще один город, еще одна дорога, еще один мирный договор, еще один корабль из Эллады с черными от горя беженцами. Но сейчас понял – пора! Сделанное – сделано, хорошо ли, плохо – пусть другие рассудят. Как любят повторять лохматые и нахальные римляне: кто может, пусть сделает лучше.

Почему сейчас так часто стали говорить о Риме? Может, прав бородатый пророк из Алазии, когда-то передавший мне слова Элохи-пастыря, и этот городишко на желтом Тибре действительно будущий Вечный Город?

...Смешно, но римляне уже начали спорить, кто именно провел деревянным плугом борозду на Авентинском холме и заложил первый камень. То ли Эней, то ли Маурус-Квирина, то ли Одиссей-странник. А ведь и века еще не прошло! Что они придумают через тысячу лет?

Придешь ли Ты сюда, на землю зеленой Италии, Элохи-пастырь?

Да, пора! Челнок легко покачивается на розовой воде. Весел нет, да они и не нужны. Океан рядом, только шагни со скалы, только посмотри вдаль...

– Не умирай, Кора! Не уходи! Что я стану делать без тебя?

– То, что и прежде, Тидид. Ты пойдешь дальше. Я же вижу, как ты смотришь на море!

Я... Я была тебе хорошей женой, Дамед-ванака?

– Зачем ты спрашиваешь, Кора?.. Не надо... Не надо!..

– Не плачь, глупый Тидид! Ты ведь сам говорил: куреты не плачут...

– Кора! Светлая! Не уходи, не бросай! Я же останусь один, совсем один!..

– Ты никогда не останешься один, Диомед... Прощай! Все будет хорошо, мой ванакт.

Все будет хорошо...

Ты права, Кора! Даже сейчас я не один, со мною белые птицы, птицы-друзья, которые никак не хотят отпускать, кружатся, задевают крыльями... Не волнуйтесь за меня, друзья. Когда-нибудь встретимся снова!

Я обернулся назад, улыбнулся уходящей от меня навсегда земле...

Легко качнулся невесомый челнок.

Все!

Диомед, сын Тидея, Дамед бар-Тадай, Маурус Великое Копье, все, кем был Я, все, чем Я был...

Хайре!

...Почему-то страха не было. Даже когда вокруг за клубился знакомый седой туман, когда в лицо плеснула ледяная волна-призрак... Разве этим ТЫ напугаешь меня, Океан-Ограничитель? ТЫ не страшнее грозы посреди закатного моря, когда молнии рвут серое небо, когда черный гром...

Песнь первая Собачья звезда

Строфа-I

Тр-роя! Тр-р-роя! Тр-р-р-ро-оя-я-я!!!

Ранние сумерки, серое безвидное небо, клочья тумана, уже почти незаметные, исчезающие за темной кормой...

– Тр-р-р-р-ро-оя-я-я-я-я!!!

Белый огонь, черный гром.

– Тр-р-роя! Тр-р-р-роя! Пр-р-р-риходите!..

Над замершими на беспокойной ряби моря кораблями, над тревожно дрожащими полотнами парусов, над застывшими в ужасе людьми – еще живыми, еще верящими, что переживут этот бесконечный вечер, эту близкую страшную ночь...

– Тр-р-р-р-роя-я-я-я! А-ха-ха-ха-ха!

Серое – нет, уже черное – небо смеялось. Хохотало. Гоготало. Давилось весельем.

– А-ха-ха-ха-ха-ха! Гер-р-р-рои! А-ха-ха-ха-ха-ха!

Я застыл, не чуя окаменевших пальцев, мертво вцепившихся в мокрую холодную доску борта. Ту самую, что отделяла всех нас, еще живых, от черной пучины. Не доска – яичная скорлупа. А молнии все били, разрывая небо на части, и белые барашки неслышно проступали на острых гребнях волн. Не было сил даже зажмуриться, даже шевельнуть губами – как в ту ночь, когда ОН, мой НАСТОЯЩИЙ Дед, пришел, чтобы пообещать мне великую славу.

– Тр-р-р-р-роя! Пр-р-р-риходите, гер-р-р-рои-и! А-ха-ха-ха-ха-ха!

Ты прав, Дед, вот она – слава. Взбесившееся небо, обезумевшее море – и бессильные люди между. Есть над чем посмеяться, Великий Дий, Теос Патар, Всемогуший Громовик, мой остроумный предок! Отчего же не смеется твой Черногривый братец, Поседайон Землевержец? Почему так угрюм владыка Лилового моря, ставшего в этот вечер Черным? Ведь ОН тоже мой родич, ЕМУ тоже время смеяться!

...Или еще не время? Вот когда яичная скорлупа борта треснет...

«...Бойся богов, Диомед! Бойся!»

Снова молния – на этот раз совсем рядом, прямо перед черным носом «Калидона». Острый резкий дух ударил в ноздри, невыносимо яркий свет – по глазницам...

– Тр-р-р-р-ро-оя-я-я! Гр-р-р-р-ребите-е, гер-р-р-рои-и!

Я заставил себя отвернуться, не смотреть на ИХ торжество, на ИХ пиршество. Мы еще живы, и я жив, и «Калидон» все еще плывет, нет, мчится по неверным волнам к Трое, к проклятой Трое, навстречу Гекатомбе. И пока я, Диомед Тидид, ванакт Аргоса, жив, пока яичная скорлупа еще отделяет меня от Гадеса, страх – не для меня и ужас близкой гибели – тоже не для меня, я должен думать не о богах, не о проклятой Семье – о людях...

Как они?

Вначале хватило сил осмотреться. Затем – провести рукой по мокрым от холодной солевой пыли волосам. Потом – улыбнуться. Неуверенно, силой растягивая непослушные губы.

Живы!

Почти исчезнувшие в черноте сумерек, неподвижно замершие у мачты, у невысоких бортов, возле огромного весла-кормила, в узких корзинах «вороньих гнезд». Моряки из Лерны,

воины из Аргоса, гетайры из Куретии Заречной. Живы! Никто не кричит, не суетится, не вздымает руки к обезумевшим молниям, к разорванному в клочья небу. Живы – и каждый делает то, что должно; никто, кажется, не догадывается, как страшно их повелителю, ванакту, ни разу не попадавшему в грозу посреди безумного чужого моря.

Вдохнул, выдохнул, снова улыбнулся – уже увереннее.

Гроза, подумаешь!

– Э-э, ванакт! – смеется в ответ Мантос, старшой гетайров. – Нравится, да? Прямо как у нас, в горах, понимаешь. Хорошее знамение, ванакт! Боги за нас, да?

– Да...

Шевельнул губами, но горло молчало. Снова вздохнул, на миг прикрыл глаза, до боли сжал слегка потеплевшие пальцы...

– Боги! Ты прав, Мантос, мой родич! Боги – за нас!

Боги были за нас. Не оставляли. Напоминали. Подбадривали. Знамения, бормотание пифий, уверенный бас прорицателей, раздувающийся от важности Калхант-изменник. Печень с ровными долями, жертвенный дым, устремившийся к самому зениту, змея, лопающая беспомощных птенцов под одобрительный гогот толпы. За нас! ОНИ – за нас, а значит, Троя уже почти наша, нет, она уже наша, надо только доплыть, ткнуться черными корабельными носами в серый песок Трои...

Я не удивлялся. Гекатомба! Все так и должно быть. Зачем отпугивать, зачем будить Панику, страшную дочь доброго неуклюжего Пана? Агнцы... Нет, просто бараны должны сами – сами! – прибыть к алтарю. Поспешите, бараны, ибо боги за вас, Снежный Олимп дарует вам победу, а сама Паллада, дочь Дия Ясного, распростерла грохочущую эгиду над великим воинством...

...И ты тоже, мама! Зачем?

Не спросишь, не упрекнешь. Мама молчит, я устал ее звать, у меня нет больше сил, нет надежды. Ты с НИМИ, мама.

ТЫ – не со мной. ТЫ – с НИМИ!

Зато не молчит Любимчик. Как всегда, он всюду, со всеми друг, со всеми кум-приятель. А я еще удивлялся, зачем это рыжий полгода метался по всей Ахайе от Фессалии Равнинной до Малей Штормовой, зачем базилеев ахейских, всех этих козопасов-козопсов на бойню смакивал. Какое дело сыну Лаэрта Пирата до бестолковой мечты Агамемнона о Великом Царстве Пелопидов? Или Паламед-шурич барыш пообещал? Или папаша, итакийский затворник Лаэрт Пират, лишнее серебро подзаработать решил?

Теперь – понял. К сожалению. А ведь мы дружили, Одиссей, сын Лаэрта!

– Ванакт!

Очнулся, помотал головой. Потом, все потом...

– Слева, ванакт! От Сфенела-басилея.

Повернулся.

Сквозь черно-серую мглу, между белых молний – желтый огонек. Неяркий, неровный. Мигнул, мигнул...

– Сфенел-басилей сигнал шлет, ванакт. Все в порядке у него, ванакт.

Мог бы и не пояснять, Мантос-курет, мой чернобородый родич. И так ясно. Все в порядке у богоравного Капанида. Да только знает мой друг, как страшно Диомеду Дурной Собаке в море. Вот и сигналист – подбадривает.

– Смотри, ванакт! Справа, ванакт! Амфилох Амфиараид сигнал подает...

Спасибо, ребята!

Эпигоны, сыновья Семерых, снова в походе. Мы вместе, и это единственное, что еще заставляет верить в удачу. Верить, забывая о хеттийских кинжалах, нацеленных в мою печень, о давней измене, червем гложущей душу. Не хочу думать! Не хочу!..

– Э-э-э, ванакт! Да ты светишься, ванакт! И я свечусь, ванакт! Красиво, да? Тебя ничем не напугаешь, курет!

...На кончиках пальцев – холодный зеленоватый огонь. И на сандалиях. И на верхушке мачты. И на бородастых лицах. Безболезненный, бесшумный. Мертвый... И это – тоже сигнал. Мне.

– Ты плавал по морю, Эриний? Говорят, ночью весла светятся...

– Иногда, ванакт. А если буря, то светятся даже мачты.

Я не забыл, Дядюшка, Лже-Эриний, Психопомп-Ворюга. Мертвый огонь Гадеса, куда ТЫ отведешь мою душу. Говорят, те, что уходят туда, к Белому Утесу, к блеклым асфоделям, не могут даже плакать, они лишь пищат, словно летучие мыши.

Я не буду плакать, Психопомп. И писка ТЫ тоже не услышишь. У меня не хватит сил победить ВАС. Но на это – хватит!

– Как думаешь, Мантос, в Трое сейчас тоже гроза?

– Э-э, ванакт! Хорошо бы, ванакт! Гремит, грохочет, неба нет, земли нет, ничего нет, да? А тут мы в гости к Приаму-ванакту, понимаешь!

Смеемся. Смеемся, хотя смеяться не над чем. Гроза не поможет, даже если небо и вправду разорвется в ошметья, и земля вскипит, словно море...

– ...Не поможет, Атрид! Не поможет.

Микенские стены, рассвет, из-за холмов уже виден блистающий венец Гелиоса-титана. Зябко, даже плащи не помогают.

Всю ночь проспорили...

– Но почему, Диомед? Смотри: с осени мы занимаем острова, так? Закрываем проливы, так? Посылаем корабли к Аласии, так? Мы всюду, Приам не сможет собрать союзников, они будут бояться за свои земли. А потом мы двинем отряд с юга, от Милаванды, все решат, что мы вначале хотим захватить побережье, и тут...

– Не поможет...

Вечером богоравный Агамемнон кричал. Ночью – ругался. Сейчас только нос свой чешет. Длинный нос, Пелопсов. Как только шлем на башку налезают? Ведь он, шлем, у Атрида старинный, с личиной.

Я не спешил с ответом. Куда спешить? Венец Солнцеликого еще только показался из-за серых холмов, первые лучи вот-вот коснутся Поля Камней.

...Где-то там, среди старых могил, толос Атрея Великого. В то утро я впервые пожалел, что мой страшный враг мертв. Пелопид бы понял, ему, сокрушителю царств, посылавшему колесницы во все концы богохранимой Ахайи, не пришлось бы все пояснять на пальцах, как этому длинноносому. Ничего, я упорный.

Поспорим!

– Зачем ты начинаешь эту войну, Атрид?

Растерялся, снова нос чешет. А действительно, зачем?

– Рвань в харчевнях хочет оторвать Парису его блудливый приап. Твой брат – вернуть жену. А ты?

Хмурится богоравный Агамемнон. Хмурится, отвечать не хочет.

– Великое Царство, Атрид! Держава Пелопидов от снегов гиперборейских до Океана и эфиопских песков! Иначе зачем нам столько людей и кораблей? Зачем звать к копыю всю Элладу? Или я что-то не так понимаю?

Молчит носатый. Ну, молчи, молчи!

– А Великое Царство – это не Троя, ванакт Агамемнон! Не Троя, не Троада и не Дарданские скалы. Это – Азия, Восточный Номос – от Милаванды до Урарту. Или даже до Кеми?

Супит брови Атрид. Видать, мало я пообещал. Никак он и красно-белый венец ванактов Черной Земли примеривает?

– Никого не обидят, Тидид! Никого! Ты тоже получишь свое царство, оно будет в десять... в двадцать раз больше Аргоса. Но эти владения нужно охранять, поэтому мы будем вместе. Какая разница, кто станет Верховным Ванактом – я, ты, Менелай?..

Нехотя отвечает, будто словами давится. Видать, самому врать противно. Его отец хотя бы не кривил душой!..

«...Ванакт должен быть один. Он – царь царей. Ахайя должна стать единой, тогда следующая война будет такой, как я хочу, а не иной. Ахайя, нет, Эллада завоюет весь наш Номос – объединенная, могучая, страшная для врагов. Добычи и славы хватит для всех, и власти хватит. Иначе... Иначе мы начнем резать друг друга. Микены все равно победят, но я не хочу такой победы!»

Да, с тобой было бы легче, Великий Атрей! Тебе не требовалось бы объяснять...

– Восточным Номосом правит не Приам, не его соседи-козопасы, не базили Ала-сии-Кипра и даже не Дом Мурашу. Ты считаешь без хозяина, Атрид! А ведь у нас мало времени – не забывай, что совсем рядом, в Фессалии, дорийцы. Они только и ждут, что мы сломаем себе шеи. Нужна победа – быстрая. Настоящая! Но даже если мы возьмем Трою, нас выкинут оттуда через три дня – сандалием под афедрон. Подсказать, кто?

Ответ не один, их два, но длинноносому бесполезно рассказывать о Гекатомбе, о Грибницах в Восточном Номосе, сохнувших без нашей крови. Он согласен на Гекатомбу, сын Атрея и внук Пелопса. Призрак Великого Царства слишком прекрасен – как ламия на перекрестке ночных дорог для пьяного гуляки. Поэтому я намекаю не на НИХ, не на Семью-Семейку. Есть второй ответ, он проще, его поймет даже Агамемнон.

Острый, нестерпимо яркий диск Гелиоса, Златого Колесничего, вынырнул из-за холмов. Я усмехнулся – вовремя! Вот он, ответ!

Солнце вставало над Микенами. Солнце, не заходящее над Азией. Великое Солнце – Суппилиумас Тиллусий, ванакт Хаттусили, непобедимого Царства Хеттийского.

Суппилиумас – владыка Востока.

– Э-э, ванакт! Ты смотри, кончилась гроза. Я думал, до утра греметь будет, понимаешь! В голосе чернобородого – тень обиды. Недогрел Дий Громовержец, пожалел молнии!

Сначала покосился на пальцы – сгинул мертвый огонь. Потом на мачту, на неровный пузырь паруса, и лишь после – на небо.

...Вечерняя синева, несмелые огоньки первых звезд, обрывки туч, уходящие к почти исчезнувшему в сумраке горизонту. Сомкнулась поднебесная твердь, словно и не было ничего.

Сомкнулась – надолго ли?

– Мантос, прикажи, чтобы осмотрелись, как там...

Не договорил – ни к чему. Все понял старшой.

– Смотрели уже, ванакт. С мачты смотрели, с кормы смотрели. Все плывут, все живы. И Фоас-базилей плывет, и Сфенел-базилей плывет, и Менелай-базилей, и Одиссей...

Ну конечно! Рыжий не отстанет, не повернет вспять! Неужели я прав, и это мама – мама! – вкупе со всей Семейкой заставила Любимчика гнать нас, людишек-хлебоедов⁵, к Тро-

⁵ **Хлебоеды** – согласно греческой мифологии, так называли людей боги-Олимпийцы. Слово имело уничижительный смысл.

аде под железные мечи ванакта Хаттусили? Выходит, именно рыжему быть Верховным Жрецом при Гекатомбе?

Удостоили!

На Скиросе я поднял копье, чтобы прикончить выроodka-Лигерона. Ошибся! Не того убивать следовало!

Хватит! Не сейчас...

– Говоришь, все плывут, родич? Агамемнон тоже?

Хорошо смеются куреты! Сразу видно – душа чиста.

– Э-э, Фремонид, погляди, не плывет ли с нами ванакт великий Агамемнон? Не обогнал ли? Может, он уже в Трое, да?

– Э-э, Мантос! Левым глазом гляжу – не вижу. А вот правым гляжу – все вижу. Плывет ванакт великий Агамемнон, носом волны рассекает, буруны до небес, понимаешь! Эх, быстро плывет, самый смелый, наверно!

И снова корчатся от хохота мои гетайры. Правый глаз Фремониду вышибли еще много лет назад, когда он угонял очередное стадо у моего деда, Ойнея Живоглота.

Агамемнон еще в Авлиде. И вовсе не потому, что трус. Просто таков план. Настоящий – а не тот, который сейчас изучают в Трое. Тогда, ранним летним утром, на еще холодных камнях микенских стен, я все-таки убедил его. Смог! Поэтому со мною только половина войска. Поэтому Атрид в Авлиде вместе со своими хризосакосами, и афинянин Менестей там, и Асклеиады, и большая половина войска, и все наши колесницы. Поэтому мы все делаем правильно. Но...

Но как не посмеяться над носатым? Особенно после такой грозы, особенно когда у ванакта Аргоса до сих пор ноет в животе от страха.

Эх, папа! Ты бы точно не испугался!

...Правда, и Тидей Непрощенный никогда не воевал на море. Почему я так не люблю Атрида? Ведь не давняя рознь между Старой и Новой столицами, между Аргосом Непрístupным и Микенами Златообильными тому виной. Завидую? Чему? Мы оба сироты, но Агамемнон несчастливее меня, все-таки папа погиб в бою, в честной схватке, а не от руки брата-предателя, как Атрей Великий. А его, Атридова, Клитемнестра, говорят, ничуть не хуже (ха-ха!) богоравной ванактисы Айгиалы.

...Стравить бы обеих! Химеру с Горгоной, Ехидну с Гарпией. Моя бы точно Атридову загрызла, талант ставлю!

В общем, не такой уж он плохой парень, носатый, – особенно ежели не на троне сидит. И хотим мы разного, он, Агамемнон, – править Великим Царством, а я...

Снова хохот – неожиданный, оглушительный, словно запоздавший к буйству грозы гром. Но на этот раз его никто не слышит – кроме меня.

Агамемнон хочет править Великим Царством, а я...

А я?

Не ТЫ ли хохочешь, Дед, мой НАСТОЯЩИЙ Дед? Ведь для ТЕБЯ нет тайн под Ясным Небом, которому ТЫ владыка. ТЫ манил меня славой, великой славой, а я все тужился возразить, отказаться... Смейся, Дед, хохочи!

...Хорошо, что не все мысли можно додумывать до конца. Хорошо, что у ванакта аргоского всегда полно забот – даже поздним вечером, даже посреди моря...

– Кто? Повтори!

– Кормчий, ванакт. Дядюшка Антиген. Кличет тебя, понимаешь...

Ванакта не кличут. К нему приходят сами – и то ежели позовет. Все – кроме богов, любимой женщины – и кормчего. Особенно когда вокруг море.

– Иду!

Все в порядке. В полном порядке! Гроза прошла, море стихло, меня зовет дядюшка Антиген...

Хотел бы знать, зачем? Хотя что за вопрос? Пойду – узнаю.

...И не надо пустых мыслей, Диомед Дурная Собака! Кто сказал, что у царя на войне должно быть не больше сомнений, что у простого копейщика? Кемийцы, кажется...

Хорошо им там, в Кеми!

...Между носом и кормой – узкие доски настила. Между носом и кормой – народу, как в храме Зевса Трехглазого по большим праздникам. Тесно у нас на «Калидоне» – прямо как в Калидоне настоящем! Хотя и не мал кораблик, хоть и плачено за него ежели не втрое, то вдвое (все тот же Любимчик и сосватал: переманил, дескать, его папаша пиратствующий некоего корабеля-троянца, чудодей – не корабел!), а все одно – и тесно, и неудобно, и спим прямо на палубе. Хотели мне на корме хоромы возвести с ложем цельносрубленным двуспальным, но я, понятно, запретил. Лучше лишние полдюжины воинов на борт взять. Так что до кормы еще добраться надо. Хорошо хоть, не качает! Да и народ при деле: воины, как положено, у бортов да у катапульты, моряки...

– Яй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-а-а-а-а!

А моряки кого-то лупят!

– Яй-йй-йй-йй-а-а-а!

Дружно лупят! Толпой сгрудились, фалангой обступили – не пройти, не обойти.

– Ах-ты-осьминог-критский-протей-тебе-в-печенку!..

Да-а-а!

– ...и-амфитрида-в-глотку-и-рапан-родосский-в-афедрон!!!

– Яй-йй-йй-йй-а-а-а!

Полюбовался, подождал, пока подустанут, пока меня заметят.

– А, ванакт? Извини, ванакт! Проходи, ванакт!

– Яй-йй-йй-а-а-а!

Кто-то не утерпел – напоследок ногой бедолагу пнул. Я уже понял – раб. Кажется, видел его – маленький такой, плюгавый, в бородавках. То ли лидиец, то ли кариец, их, варваров, не разберешь.

– Чуть корабль не спалил, осьминог критский! Где ж такое видано – в шторм да в качку огонь разводить? Ах ты!..

– Не палила! Не палила! Я жертву приносила! Жертву приносила – гроза проходила! Яй-йй-йй!

Я махнул рукой – что с варвара возьмешь?

– Жертву приносила! Дамеду просила, Дамеда грозу отводила!

Про «Дамеду» я уже возле самой кормы услышал. Услышал – не выдержал. Не выдержал – обернулся:

– К-кому?!

– Дамеда великий! – обрадовался лидиец-кариец. – Не сердись на меня, Дамеда-бог, мало тебе жертву приносила, голубя приносила, завтра еще принесу! Ты, Дамеда, сильный бог, страшный бог!..

Думал – рассмеются моряки. И воины, что рядышком стояли, – тоже рассмеются. Тогда и я захохочу.

Да только не смеялся никто.

* * *

Коряги, как известно, не говорливы. Деревья – эти могут. Сам, правда, не слышал...

– Становись рядом, маленький ванакт. Сюда, слева.

А вот чтобы коряги! Правда, у черного весла-кормила не коряга пристроилась, а сам дядюшка Антиген, Антиген Лерниец, лучший наш кормчий – во всей Арголиде лучший. Но похож! Ежели в темноте, как сейчас, да еще чуток зажмуриться...

– Звал, дядюшка?

– Звал, маленький ванакт, звал. Постой пока рядом, оглядись.

В море кормчий – царь. А кормчий головной пентеконтеры – царь царей, не меньше. Богоравный владыка Корягиос... С таким не поспоришь! Ка-а-ак двинет корневищем!

Итак, стою. Смотрю. Налево смотрю, направо, а все больше – вверх. И на корягу тоже – исподтишка. Вцепилась коряга в кормило, корнями вросла, а каждый корень чуть не с меня толщиной. Замерла, сопит только. С присвистом.

...Болтают, будто звали дядюшку Антигена аргонавты главным кормчим. Да только отказалась коряга: баловство, мол, за одной шкурой бараньей корабль в Колхиду гонять. Несерьезно как-то. Пусть, мол, Тифий-мальчонка с вами сходит, а я лучше на Запад поплыву, к Океану, там у меня дела поважнее имеются.

А Тифию-то тогда уже за шестьдесят было! Сколько же коряге лет? Подумать страшно!

– Поглядел, маленький ванакт? – сипит между тем коряга.

– Так точно, дядюшка Антиген, – вздыхаю в ответ. – Доложить, чего увидел?

– Доложишь, доложишь!..

Раньше сипела, теперь скрипит. Громко так скрипит! Выходит, коряги даже смеяться умеют?

– Вот чего, маленький ванакт! Ты просил напомнить, когда Лесбос пройдем...

Хлопнул я себя по лбу. А ведь точно! Не иначе гроза из башки моей этолийской все напрочь вышибла.

– Так вот, мы его и прошли. Только что. Да ты, видать, не заметил. Все влево смотрел да вверх, а Лесбос-то по правому борту был...

Да-а, не быть мне моряком!

– Виноват! – вновь вздохнул я. – Значит, уже прошли? А я думал, еще целый день плыть...

И в самом деле! Даже я знаю, что от Навплии до Лесбоса – два дня пути с хвостиком. И то при хорошем ветре. А нас ветер не баловал, только сейчас Зефир Полуденный плечо подставил.

– То-то и оно...

Просипела коряга – и вновь смолкла. Смолкла, тьмой вечерней окуталась, в доски палубные вгрузла. Чего-то не так с корягой! Оглянулся я, вправо поглядел, где во тьме Лесбос спрятался, вверх посмотрел...

– Не спеши, маленький ванакт. Вместе на звезды поглазею. Слушай пока...

Хотел вновь сказать «так точно» – раздумал. Не шутит кормчий!

– Ты, маленький ванакт, умный мальчик. И батюшка покойный твой умным мальчонкой был. Все со мной сходить просился – не успел, бедняга...

А я и не знал! Молодец, папа!

– Потому не буду тебе глупости всякие городить, что, мол, сон мне был, и другим сон был, и Ориона-Охотника в море видели...

– Вправду видели? – не утерпел я.

Засопела коряга, насупилась.

– Видели, не видели – не в том сила. А вот что мы на день раньше к Лесбосу пришли... Смекаешь? Ветерок хилый, гребли средственно, не гнали. Это ж чьими такими молитвами, а?

Окаатило меня холодом – до кончиков ногтей. Не от вопроса – от ответа. Только не прав ты, Антиген, великий кормчий, коряга старая. Без молитв обошлось! Видать, изголодались там, на Снежном Олимпе!

Спешат!

– Всяко бывает, маленький ванакт. Да только не все это. Хотел ты на звезды поглядеть. Так погляди! Головой можешь не крутить, туда и смотри, на север, куда плывем...

– А мы не на север плывем, дядюшка, – не утерпел я. – Мы плывем между севером и востоком ближе к северу на одну шестую долю. Так?

Знай наших, коряга! Зря, что ли, я у дяди Эгиалея лучшим учеником был?

Думал, засмеется, заскрипит то есть. Или возмутится.

Смолчал. Смолчал, набычился.

– Смотри!

Взглянули мне звезды в глаза – маленькие, острые...

...Медведицы: Каллисто-нимфа с Идой-кормилицей, одна под другой, под ними Кефей, батюшка Андромеды Смуглой, которую Персею Горгоноубийце спасти довелось. Ну, притча: собственную дочь чудищу отдал, Кефей этот, – и все равно на небо попал! Вот он, сияет, а справа, как и полагается, супруга, Кассиопея-царица, из-за которой и вся беда случилась, нечего красотой своей эфиопской перед nereидами хвалиться!..

Странно, еще не ночь, а звезды такие яркие. Словно мы на корабле под самое меднокопаное небо вознеслись!

А правее... Я только вздохнул. Когда нас, эфебов, учили все эти Кассиопеи с Кефеями различать, созвездие, то, что сейчас Каллисто-Медведицы правее (огромное, о двадцати звездах!), Борцом называли. Борец – и все тут. А недавно узнал – иначе эти звезды теперь именуют. Не Борец уже – Геракл!⁶

...Радуйся, дядя! Верю, что даже если ты сейчас ТАМ – ты не с НИМИ!

ТЫ – не с НИМИ!

Ну а еще правее, к востоку ближе...

– То, где девять звезд, – засопело рядом. – Их сейчас Близнецами кличут...

И вправду кличут – после того, как сгинули Кастор с Полидевком, братья Елены. Вовремя сгинули! Братья – на небе, заняты, нет им возможности за сестру вступить, лад в семейке навести.

Да, все верно, девять звезд, как и сказано... То есть совсем не девять! Больше – и намного!

– Понял ли, маленький ванакт?

На миг показалось, что я снова эфеб, и не старший – первогодок. Когда нас с Капанидом в первый раз в учебный лагерь отправили (тот, что в лесу, за алтарем Реи), мы все больше меч мечтали в руках повертеть. И не деревянный – настоящий, бронзы аласийской. А нас, заставив побегать да поотжиматься от травы, завели на ночь глядя в самую глушь. Завели – бросили. Вот небо, вот звезды, тучек нет. Выбирайтесь, эфебы! Лагерь как раз на юге – идите, не заблудитесь. А там и поспать можно будет!

Впрочем, лишние звезды – не загадка. А ежели и загадка, то самая простая. Для эфебов-первогодков.

– Бродяги, дядя Антиген. Блуждающие звезды. Сейчас весна, Антисфории – Дни Равноденствия – недавно прошли. Так и должно...

– Сосчитай!

Сипит коряга, сопит. Недоволен дядюшка Антиген, великий кормчий, аргивянским ванактом.

Делать нечего. Пожал плечами, считать принялся. Все верно, большие, разноцветные... блуждающие... Оранжевый – Зевс, бледно-желтый – Крон... Дий Подземный! Но ведь бродяги, блуждающие (их еще «планетами» кличут) – это же... Это же и есть – ОНИ!

⁶ Расположение звезд и планет соответствует весне 1119 года до Р. Х.

ОНИ!

Всесильные, всевидящие, равнодушно взирающие на нас, хлебоедов, с меднокованого неба!

– Эх, маленький ванакт! Знаешь, был я в Эфиопии, золотишко да кость Абу-зверя торговал, так там, в Эфиопии этой, царь прежде всего в звездах должен разбираться, а уж опосля – в копьях да мечях! Ведь сколько этих, блуждающих, сейчас в Близнецах должно быть? Два всего – Арей да Крон. Один вверху, второй – ниже. А что ты видишь?

Не стал отвечать – незачем. Только усмехнулся. Даже не усмехнулся – губами дернул. Не править тебе Эфиопией, Тидид!

...ОНИ все были здесь. Все! Красный Арей внизу, над ним – еле заметный белесый Гермий, сияющая злым огнем Афродита, оранжевый Зевс... И Крон! На самом верху, выше всех, выше сына-Громовержца, выше внука-Эниалия!

Как только из Тартара выбрался, старик?

А ТЫ, мама? ТЫ – тоже там? Там, рядом с Кастором и Полидевком, божественными Близнецами, ТВОИМИ братьями? Там, между севером и востоком, как раз над Троей, проклятой Троей, куда несет нас могучая длань Поседайона Конегривого?

Да, ОНИ были там, где и должно, – над Троей. ОНИ спешили. Ждали.

Жаждали!

Я смотрел в холодное, не по-вечернему темное небо, в бесстрастные глазницы звезд, ловил ИХ острый взгляд, и вдруг почудилось (почудилось?), что купол небес медленно, бесшумно опрокидывается, и вот уже нет моря, исчезли волны, а мы мчимся вниз, прямо по звездам, словно по стенкам гигантского котла. А впереди нет ничего, кроме безвидной бездны, и лишь старик-Крон подмигивает нам желтоватым оком.

Ладонь на глаза... Отпустило, хвала Деметре Теплой!

– И это не все, маленький ванакт. Погляди на запад, где Орионов Пес. Тот, что Большой...

На Пса я уже смотрел без всякого удивления. Пес и Пес, справа от Ориона, как и положено. А слева Арго, тот, на котором коряга плыть не пожелала...

– Собака! Собачья Звезда!⁷ Она же сейчас в море должна нырнуть, она же...

Привычное имя заставило улыбнуться. Интересно, кличут ли в Небесах Собачью Звезду – Дурной Собакой?

– Она же на восток идет, Диомед! Не на запад – на восток!

Я лишь плечами пожал. С чего это коряга волнуется? А ведь волнуется, впервые меня по имени назвала! После того, как ОНИ словно на смотр выстроились, чему уж удивляться? Ладно, запомним, Собачья Звезда, Дурная Собака, спешит на восток. Ну и ладно!

Другое с толку сбивало. Отчего это мне котел привиделся? Бездонный, черный – с желтым Кроновым глазом над безвидной бездной? Может, потому, что слышал я уже. Не так давно, год с небольшим назад...

«А ты знаешь, мальчик, что такое Кронов Котел?»

Мы тогда с дядей Эвмелом о Лигероне-выростке говорили, о том, что Крон-Время не торопится, но и отставать не любит. То есть это я так считал, а дядя... Эх, дядя Эвмел, не дослушал я тебя! Дурак – и башка у меня этолийская. Дурная!

Ладно, и об этом – после!

– Дядюшка Антиген! Значит, Лесбос прошли?

– Ну?

Я усмехнулся. Сейчас будет этой коряге «ну?».

⁷ Собачья Звезда – Сириус.

– Поворачиваем. Всем кораблям – вправо! На восток, к берегу!

Впервые я увидел, как кормчий растерялся. Да так, что на миг короткий из коряги снова в человека превратился. Удивленного, с толку сбитого.

Старого.

– Но... Маленький ванакт... Диомед... Тидид! До Трои еще...

– А кто сказал, что мы плывем в Трою, дядюшка Корягиос?

Переспорил я все-таки Агамемнона! Он-то как раз с Трои начать хотел. Не жалко ему головы его длинноносой!

В нашем, ахейском наречии – двадцать два значка для письма (это без тех, что Паламед Пухлый придумал). И в финикийском – столько же. А вот в Древнем – шестьдесят три. Но это что! В Кеми, говорят, значков с три сотни. А вот у моряков их всего пять – белый, желтый, красный, синий, зеленый. Днем – флажками над мачтами, ночью – огнем в лампах бронзовых.

Пять значков – легко выучить. Белый – внимание. Красный – тревога. И синий – тайный.

Белый, красный, синий! К берегу! На восток! За Собачьей Звездой!

Антистрофа-I

Пленных сгоняли к берегу Каика – грубо, безжалостно, тычками, еле сдерживаясь, чтобы не повернуть копья бронзовыми жалами. Оно бы и без тычков обошлось, но я вовремя сообразил – велел прокричать по строю, дабы сдавшихся щадили. Кое-кто все же послушался...

– Старшего! – бросил я, не оглядываясь. – Сотника или геквета.

Двое гетайров, кивнув, скользнули к растерянной окровавленной толпе. Старшего найти легко. Тут, в Азии, каждый десятник норовит золотую бляху на панцирь нацепить. А уж сотник!.. А панцири-то паршивые! Тоже мне, вояки!

Злость не исчезала, не уходила, черным морским раком вцепившись в печень. Я ждал всякого: долгих переговоров, закрытых, заваленных камнями ворот, но чтобы так! С ходу, не спрашивая, в упор!

...Нет, ждал! Потому и приказал зажечь красный огонь на мачте «Калидона». Но ведь был еще синий!

– Вот, ванакт! Сотник. Зовут...

Имя скользнуло мимо, не задев, не запомнившись. Какое мне дело, как кличут этого варвара в золоченом панцире с бронзовой юбкой до колен? И на лицо смотреть не стал – еще озверею...

– Синий огонь! – вздохнул я, отвернувшись и глядя на поле – страшное поле в молодой зеленой траве, покрытое трупами. Нашими. Чужими. Мы выиграли эту битву – неожиданную, ненужную...

– Синий огонь! – сдерживаясь из последних сил, повторил я. – Вы видели синий огонь на мачтах?

– Не понимай! Ахейски не понима-ай-й-й!

По тому, как он взвизгнул, стало ясно – по ребрам. И хорошо врезали, не иначе – рукоятью меча.

– Синий...

– Видела, видела! – разом обрел язык варвар (чудо, не иначе!). – Огонь видела, тревогу поднимала, к берегу войска бежала, базилея Телеф войска посылала!..

– Но почему? – не выдержал я, не в силах оторвать взгляд от мертвого, залитого кровью поля. – Мы же союзники! Я же сам писал базилею Телефу! Синий огонь – условный знак!

...Писал – но не верил. Поэтому и приказал повернуть на восток, к берегам Мисии. А ежели бы я Агамемнона послушал, да прямо к Трое поспешил? На севере, у Геллеспонта, – хеттийцы, на юге – Телеф-союзничек. Капкан! Скилла с Харибдой! Не верил, но все-таки надеялся. Потому и синий огонь зажег. Мне так был нужен союзник на этом берегу! Мне так нужен был хотя бы клочок земли, где можно беспрепятственно высадить войско...

– Почему?!

– Базилея Телеф! Базилея! – отчаянно возопил сотник-варвар. – Базилея сказала: синий плохо. Базилея сказала: синий – трояна. Корабли трояна синий, огонь трояна тоже синий...

Вот даже как? Я поглядел вперед, на приземистые, неуклюжие, неладно слепленные стены Пергама Мисийского. Ворота они все же успели захлопнуть, значит, «базилея Телеф» где-то там. Неужели правда? Но ведь это глупость! Зачем нападающим заранее сигнальные огни зажигать? Впрочем, что взять с варваров? Такие, как этот болван в бронзовой юбке, поверят еще и не в такое...

– Базилея Телеф говорила...

Я дернул бровью, и болван-сотник сгинул. Все стало ясно, оставалось одно: разъяснить самому «базилею Телефу». Союзничек!

Впрочем, я снова ошибся. Разобраться с кучей валунов на холме, по недоразумению именуемой славным городом Пергамом Мисийским, – даже не полдела. И даже не четверть с осьмушкой...

– Диомед! Диомед!

Ну вот, только его здесь не хватало. Любимчик!

Я сделал вид, будто не слышу, – пусть попрыгает рыжий, пытаюсь пробраться через кольцо гетайров – или хотя бы внимание мое привлечь. Куреты – народ вежливый, никто басыля итакийского локтями не пихает... но и пропускать не спешит. А росточку-то мы ма-а-аленького, гетайрам-здоровякам как раз по плечо. Попрыгай, попрыгай, хитромудрый Одисей, жаба ты рыжая!

– Диомед!!!

– Пропустите богоравного! – усмехнулся я. – Надорвется ведь!

– Как же так, Тидид? Это не Троя! Не Троя, понимаешь? Но ведь мы же в Трою приплыли! Я сам видел – берег знакомый, вал – тот, что еще Геракл вырыл, дорога камня серого, что на холм ведет! И Скейские ворота видел, и эти... вторые, забыл, как их называют. И я видел, и все видели. И Гектор на стене стоял, я его сразу узнал, я ведь совсем недавно в этой Трое был! А потом гляжу: и стены другие, и город другой, и не Гектор это, а дядька какой-то... Мы же в Мисии, Тидид! Нам просто голову заморочили, нам глаза отвели. Мы же на союзников напали! Это ты ошибся, да? Твой кормчий ошибся? Я же тебе говорил, надо было на «Калидон» твой нашего кормчего взять, с Итаки... Но что же теперь делать? Что делать, Диомед? Мы же войну проиграли!!!

А беда была рядом, совсем рядом, возле самого уха, возле самого сердца. Я это знал, чуял, но боялся обернуться, взглянуть ей прямо в глаза. И пока я объяснялся с ополоумевшим от объятий Паники-дочки рыжим («Э-э, брат Одиссей! Програли, подумаешь! Одну войну проиграем, другую выиграем, да?»), пока посылал своих аргивян вместе со спартамцами Менелая к городским воротам, пока объяснялся с самим Менелаем, но уже всерьез (неглуп белокурый, сразу все понял!)...

Знал – рядом. И когда они подошли все сразу...

...Все сразу – Сфенел, Амфилох, Дылда Длинная с Полидором, Эвриал-трезенец. Плечом к плечу, молча, не глядя мне в глаза, вниз глядя, на истоптанную, изувеченную траву... Пришли – вместе. Словно мы, эпигоны, сыновья Семерых, снова под Фивами.

Мы – все. То есть почти все...

– Тидид! Тут, понимаешь...

Эвриал... Дрожит голос Смуглого, и лицо опять белое, как тогда, возле Семивратных.

– Диомед! – это уже Амфилох. – Нам только что сказали...

Мертв голос Щербатого, каждое слово – непогребенный труп.

«Кто?» – хочу спросить я, но голос не слушается, да и незачем спрашивать, ибо я уже понял, сразу понял. Почти все мы тут. Почти...

– Ферсандр! – отчаянно кричит Сфенел. – Ферсандр, твой брат! Эти сволочи убили Ферсандра! Эти сволочи!.. Ты слышишь, Тидид?

Не слышу...

...Река шумит совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск – и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Плещет, плещет...

Медленно, медленно, невыносимо долго сквозь бесцветное марево начинают проступать знакомые лица, сквозь проклятый плеск доносятся голоса...

– ...слышишь, Тидид?

Надо бы удивиться, почему они не заметили, ведь мы знакомы с детства, все знают, что Диомед Дурная Собака безумен, что его надо скрутить, сжать горло боевым захватом... Но я не удивляюсь. Не заметили. И я не вынырнул. Река плещет совсем рядом, только плеск стал чуть потише, я могу думать, могу даже говорить...

Усталой чайкой мелькнула мыслишка – маленькая, страшненькая. А если это...

...НАВСЕГДА?

Мелькнула – не испугала. И я вновь почему-то не удивился.

...Ферсандр плакал. Маленький, смешной в своем огромном, не по росту, заляпанном грязью панцире, в съехавшем на ухо гривастом шлеме. Слезы текли, он вытирал их рукой – тоже грязной, в крови. Еще один Ферсандр лежал на земле – мертвый. Труп. Как и сотни других на этом страшном поле...

Нет, не так. Это было раньше, под Фивами, когда мы встретились с моим двоюродным братом у Пройтидских ворот, над трупом базилия Лаодаманта.

Сейчас по-другому. Маленький Ферсандр не плакал, он улыбался последней улыбкой, застывшей на посиневших губах. И не он – я стоял на коленях возле трупа, но тоже не плакал и снова не понимал, почему...

«Я не хотел, Тидид! Я не хотел! Не хотел, чтобы так! Не хотел!..»

И я не хотел этого, брат мой, храбрый Ферсандр Полиникид, первый из нас, эпигонов, прошедший свой путь до конца.

Я любил тебя, брат!

Хайре!

Проклятая река не отпускала, плеск то становился тише, то вновь захлестывал прибойной волной.

Плещет, плещет...

Но мне было уже все равно. Я исчез, растворился в светлых волнах безумия, и уже не я, а кто-то другой отдавал приказы, выслушивал соболезнования, морщился, когда докладывали о потерях, распоряжался о погребальных кострах, готовился к штурму проклятого Пергама, дурацкой кучи валунов на холме, забравшей у меня друга и брата...

Всего однажды дрогнул я-прежний, дернулся ламией в глиняном ларнаке, когда какой-то дурак-пустомеля в помятом шлеме ляпнул, будто убит Протесилай, родич филиакского базилия. Жаль, не успел вырвать ему язык, мерзавцу. Жив оказался Чужедушец, ранили только – бок копьем пропороли.

И хвала богам! И снова вместо меня-прежнего – кто-то другой.

А может, и не так – или не совсем так. Не «кто-то» – сам я стал иным. Река, страшная река осталась позади, я все-таки вынырнул, вцепился руками в осклизлый берег, выполз, ткнулся лицом в мокрый, остро пахнущий ил... Вынырнул, выбрался. Но уже не я.

Не я...

* * *

– За что? За что? Мы же союзники! Союзники!..

На невысокой приземистой стене, увенчанной полуобвалившимися зубцами, здоровенный детина в шитой золотом накидке. На голове – шлем с тремя гребнями, на левой ноге – окровавленная повязка.

– За что? Это ошибка! Ошибка! Мне сказали, что плывут троянцы... сам Гектор, его видели! Мне сказали, что троянцы проводили о сигнале, о синем огне. Это ошибка, ошибка! За что?

Хороший вопрос, Телеф, базилей мисийский!

У ворот – таких же невысоких, обитых позеленевшей медью, острая стена копий. Спартанцы Менелая готовы. И мои аргивяне готовы. И куреты. И критяне Идомея. И муравьи-мирмидонцы⁸ малыша Лигерона.

Ну, что еще скажешь, Телеф?

– Я согласен... Согласен, если вы заплатите пеню и немедленно уплывете... Согласен простить, не воевать!..

– Э-э, Телеф-мисиец! – не выдерживает черный от злости Фоас («Твой брат – мой брат, Диомед! Не прошу, не пожалею!»). – Мама у тебя есть, да? Зарежу твою маму! Собака у тебя есть? И собаку зарежу! Выходи, если мужчина! А если не мужчина, я тебя моим куретам отдам – как женщину!

– Прикажи мне, Тидид! – дергает губами белокурый Менелай. – Я этого варвара!..

– Мне, мне, дядя Диомед! – вопит малыш Лигерон. – Я его за дядю Ферсандра! Я его!..

Странное дело! За эти дни Ферсандр и сын Пелея успели сдружиться. Даже на одном корабле плыли от самого Скироса. Может, потому что оба – маленькие?.. А здорово он дрался, выродок, Ахилл-Невскормленный! Повязка на ноге Телефа – его заслуга. Зауважал я малыша после этой ночи!

Мы, эпигоны, молчим. Нам слов не нужно.

– Диомед! Диомед! Так нельзя! Он же союзник! Нам надо под Трою! Под Трою!

Это кто же тут такой умный? Рыжий, кто же еще?!

– Нас всех обманули! Это затмение, нам глаза отвели. Надо выплатить... помириться. Нам нужно под Трою!

Рыжему не отвечают. И я молчу, хоть и есть что сказать.

... Что, Жрец Верховный, заминка с Гекатомбой?

– Ворота! – выдыхаю я. – Открывай ворота, Телеф!

– Я сын Геракла! – вопят в ответ. – Я твой двоюродный брат, Диомед! Я твой брат!!!

Лучше бы молчал, колченогий!

– Брат, да? – вновь не выдерживает Фоас. – Маму свою вспомнил, да? Геракл Великий всех любил, да? Потаскух вонючих любил, коз любил, овец любил, да? Врешь ты все, козий выблядок, а еще про Геракла слово скажешь...

Заскрипели ворота. Бессильно, покорно.

* * *

– Искусство войны – искусство богов, Менелай!

– Отец говорил мне это. Я долго не понимал, почему.

На пергамских стенах – пусто. Незачем охранять, незачем ладить катапульты и готовить котлы со смолой. Пал Пергам Мисийский, и некому махать кулаками после драки. Оружие брошено, стражники связаны, в городе – плач и вой. Одни мы на стене с Менелаем Атридом.

– А теперь, кажется, понял. Боги вершат судьбы людей, так? И тот, кто ведет в бой войско, тоже...

⁸ По преданию, жители Фтии произошли от муравьев, отсюда и название: **мирмекс** – муравей (греч.).

– Да.

А за стеной – холмы в молодой весенней траве. Море осталось вдалеке, перед нами – Азия, неровная земля до самого горизонта. Восточный Номос...

– У тебя убили брата, Тидид, а ты даже не плачешь над ним.

– Да.

Я не плачу. Искусство войны – искусство богов. Бог Дамед не может плакать. Он должен думать о войне.

...Дамед! Именно так назвал меня раб-варвар на корабле. Именно так обращались ко мне перепуганные до смертной икоты мисийцы: «Дамеда! Дамед! Не убивай! Пожалей, бог Дамед!» На «бога» я даже не обиделся – да и внимания не обратил. Чего только не скажешь, когда у горла – бронзовый клинок?

– Наши все уверены, что мы пристали сюда по ошибке, что кормчие сбились с пути, а боги отвели нам глаза. Но ведь это не ошибка, Тидид? Ты так и...

– Да.

А повзрослел Менелай Атрид, повзрослел! В Спарте, когда Прекрасная возложила на его голову венок, совсем еще мальчишкой был белокурый. А теперь – седая прядь на виске. Еле заметная, но все же...

– Ты отослал всех и оставил меня, Диомед. Это потому, что я брат Агамемнона? Что я третий воевода?

– Да. Погляди, Атрид, что ты видишь? Что это?

Я кивнул вдаль, где неровная цепочка зеленых холмов смыкалась с горизонтом. Сейчас они зеленые, а через месяц-полтора, когда с небес рухнет жара, все подернется желтизной, и высохшие улитки замрут на мертвых стеблях...

Что мог ответить мне Менелай Атрид, больной несчастный мальчишка с гнилой кровью, невольный виновник этой проклятой войны, Гекатомбы, Последней Битвы?

– Азия, Тидид! Земля Востока, земля Асов.

Менелай, басилей спартанский, не знал слова «Номос», но ответил он правильно.

Теперь мы оба молчали, глядя вдаль, и зеленые холмы расступались, бледнели, исчезали утренним туманом... И Азия, земля Светлых Асов, распростерлась пред нами! Огромная, желто-зеленая, в ярко-синих стрелках рек. На западе – море Лиловое, на севере – море Мрака, на юге...

– Великое Царство, Тидид? То, которое хочет завоевать мой брат?

– Да.

...На юге – море Зеленое, в котором сонной рыбой плавают Аласия – Медный остров, Кипр, родина той, что убила мою Амиклу.

...Будь ТЫ проклята, косоглазая тварь! Я не забыл, я еще попробую ТВОЕЙ крови!

А дальше, на восток, за царством Хеттийским, – каменный лабиринт гор, среди которых спрятались десятки стран, десятки племен: Паххува, Цухма, Ишува, Араванна – не упомянуть всех, не пересчитать. А за Зеленым морем – земля Мукиш, которую у нас зовут Сирией, а еще дальше многокорабельная Финикия...

– Моя жена... Елена – только предлог? И для брата, и для тебя?

– Да.

Бесконечна Азия, Земля Асов, земля светлых богов. И наша Европа, Темный Эреб, гнездилище Семьи-Семейки (эх, мама, мама!), кажется перед нею грудой мелких камешков...

– Значит, ты не будешь брать Трою, Тидид? Это и есть настоящий план? Сначала хеттийцы...

– Да.

Вырос белокурый Атрид, вырос! Не спорит, не возмущается, не зовет меня ткнуться лбом в троянские стены.

...Это Любимчик все не успокоится. И Пергам грабить не след, и Телефа-предателя обижать не след, а должно хитоны подоткнуть и вприпрыжку мчаться к Скейским воротам – под Гекторово копье, под железные хеттийские мечи. Обидно рыжему! Все Семейка просчитала, все продумала: хеттийцы на севере, Телеф на юге, и молот готов, и наковальня.

...И вновь, как и прошлой ночью, почудилось, будто призрачная твердь, но уже не морская – земная, исчезает, выгибается стенками гигантского, черного, бездонного котла, и желтый глаз Крона, Крона-Времени...

Чудится? А если нет? Что ОНИ задумали? Что? А ежели задумали, то сказали ли Любимчику? Едва ли, он – сошка мелкая, Одиссей-басилей, сын Лаэрта Пирата, мой бывший друг. Его дело маленькое – нас под Трою гнать... Да, не везет тебе, Лаэртид! И под Фивы не поспел, и под Трою не пускают. Интересно, что тебе ОНИ за службу пообещали? Пифос варенья да корзину печенья?

– Этот ваш план – твой и брата... Ты мне расскажешь, Тидид?

– Да.

Поэтому мы с белокурым здесь, на пустых пергамских стенах. Впрочем, все нужное и так делается – без нас. Амфилох вместе с Идомением грузят корабли, Лигерон со своими муравьями зачищает округу, богоравный Капанид выгребает золото-серебро из пергамских закромов (хозяйственный парень!), Фоас... Он тоже при деле, мой чернобородый родич.

– Слушай, Атрид! Главный враг для нас – не Приам с его союзниками. Это козопасы – в шкурах и с дубинами. Главный враг – хеттийцы. У ванакта Суппилиумаса – войско с железными мечами. Нам его не разбить, из наших воинов почти никто не воевал, из вождей тоже...

Да, собрал Агамемнон воинство превеликое – громадную толпищу мальчишек, в первый раз взявших в руки копья. И над ними – тоже мальчишки. Кто из нас сражался – по-настоящему, не из-за трех коров? Я? Мы, эпигоны? Фивы и те взяли только благодаря дяде Эгиалею.

...И нам нельзя проиграть! Дорийцы на севере! Дикари – тоже с железными мечами! – под предводительством Гилла, сына дяди Геракла. Ждут – устали ждать. Почему никто не хочет о них помнить?

– Но нам повезло. Уже много лет Суппилиумас воюет – и на севере, и на юге, и на востоке. На севере, возле Геллеспонта, с фракийцами и шардана⁹. На юге – с тусками¹⁰. На востоке – с каска и урартами¹¹. Поэтому его войско сейчас разделено на четыре части. Сам он вместе с лучшими воинами – Сыновьями Солнца – совсем рядом, в земле Ассува, это в трех переходах от Трои...

Кое о чем я узнал еще в Аргосе (спасибо Идомению и его друзьям из Дома Мурашу – тем, у которых бороды колечками). А о главном мне рассказали тут. Телеф, козий выблядок, поначалу отмалчивался, но когда я отдал его Фремониду Одноглазому... Ох, и запела же «басилей»! Без всякой лиры-кифары запела!

– Я понял, – кивнул белокурый, подумав. – Отец говорил о таком. Нужна гирька.

– К-как? – поразился я.

– Гирька, – улыбнулся Менелай. – Маленькая такая. На весах – равновесие, но достаточно кинуть гирьку. В нужное время да в нужное место... Так?

– Именно так, Атрид!

Я вновь поглядел на бесконечную гряду зеленых холмов. Старое правило: перед сражением командир всегда должен осмотреть место боя. Всегда заметишь что-нибудь этакое. Да

⁹ **Шардана** – народ, участвовавший в так называемом походе Народов Моря против царства хеттов (хеттийцев) и Египта (Кеми). Вероятнее всего, выходцы из Причерноморья.

¹⁰ **Туски** – обитатели запада Малой Азии (совр. Турции), предполагаемые предки этрусков.

¹¹ **Каска и урарты** – жили на востоке Малой Азии, постоянные враги хеттов.

только что тут увидишь, если место боя – вся Азия, бесконечный Восточный Номос, и эти холмы – даже не ступеньки, а так, камешек у ворот?.. Молодец Менелай! А я его за мальчишку-недоростка держал. Да и не один я.

– Именно так, Атрид. На хеттийских весах – равновесие. Достаточно колыхнуть их – и даже железные мечи не помогут Суппилиумасу. Но с Трои начинать нельзя, хеттийский ванакт недаром заключил перемирие – тут, на севере. Он ждет... Ну и пусть ждет!

Я улыбнулся, белокурый усмехнулся в ответ... помрачнел.

– Я думал, ты совсем другой, Тидид!

– Другой? – изумился я. – Почему?

...Но в памяти уже всплыло. Другой... Не я... Из проклятой реки на скользкий ил выплыл уже не я.

Другой.

...Плещет, плещет...

– Понимаешь... Мой брат... Агамемнон... Он тебя побаивается. Ну, да это не тайна, сам знаешь! Но, когда мы говорили с ним в последний раз, он, брат, сказал, что у каждого есть своя цена. И у тебя тоже, Диомед. Просто такому, как ты, нужно пообещать много. Очень много, очень! И тогда ты станешь служить – даже Агамемнону! Я думал...

– Что Диомед, ванакт Аргоса и всей Ахайи, пошлет носатого с его мечтой о Царстве Великом прямиком в Гадес? – понял я.

– Вроде того, – Менелай встал, зябко дернул плечами. – Разве я хотел войны? Разве мне нужны руины Трои?

Скривился белокурый, махнул рукой. Не договорил. Да и зачем? И так все ясно... Зачем ты выбрала этого парня, Елена, Елена Прекрасная? Что он тебе сделал плохого?

Теперь мы молчали, и я понимал, что разговор пора заканчивать, я просто должен отдать приказ спартанскому бацилею, третьему воеводе Великого Войска. Он обязан ответить: «Слушаюсь!»

– У Тихи, богини Удачи, одна прядь волос на голове, Атрид. Все дается в жизни только однажды – не ухватишь, станет поздно. Один раз можно полюбить так, что любовь станет дороже собственной души...

Я боялся взглянуть ему в лицо. Боялся увидеть собственное отражение – как в серебряном сидонском зеркале...

...Та, что блистает под стать Новогодней звезде в начале счастливого года. Лучится ее красота, и светится кожа ее...

И все-таки ты счастливее моего, белокурый сын Атрея! Из Трои возвращаются. Из темного Гадеса – нет. Почему ты не отпускаешь мою душу, Амикла? Но ты права – не отпускай!

– Один раз можно стать ванаком Аргоса. Один раз можно победить Царство Хеттийское. Один раз можно завоевать Азию. А Великое Царство... Пусть им правит твой брат! Я не вернусь в Аргос, Менелай! Может, на Востоке, в чужой земле, я стану счастливее...

Я говорил странные, чужие слова, но понимал – все это правда. Диомед Дурная Собака, сын изгнанника, ванакт на чужом троне, никому не нужен в земле Ахейской. Никому! Ему нечего делать на Поле Камней! Так пусть же ведет меня сорвавшийся с цепи Пес – Собачья Звезда!

* * *

Ночь над Азией, ночь...

Темный Эреб навалился брюхом на обитель Светлых Асов – грузно, недвижно. Не скоро Солнцеликий Гелиос, которого в этой земле называют Истанус, наберется сил и прогонит тьму, пришедшую с Запада.

Мы – тьма. И я – тьма.

Ночь...

– Мама! Почему ты молчишь, мама? Ведь мы расстаемся, ты уходишь, и я уйду... Нет, хуже, мама, хуже! Со мной что-то случилось, это уже не я, разве я смог бы заболеть войной, полюбить ее, наслаждаться каждым ее мигом? Разве можно любить войну? Войну любят боги... Меня уже так называли: «Бог Дамед». Из твоего сына получится плохой бог, мама! Помнишь, я был еще маленький, и папа был жив, и все были живы, ты просила его, папу, уехать – подальше, прочь от вашей проклятой Семейки. Ведь ты хотела этого, мама.

ТЫ хотела!

А сейчас... ТЫ с НИМИ, с моим Дедом, моим НАСТОЯЩИМ Дедом, с ЕГО братьями, с ТВОИМИ братьями. С НИМИ – не со мной. Ведь я – человек, я жил, как человек, любил, как человек... Зачем ТЫ спасла меня, мама, в ту ночь, когда Танат Жестокосердный пришел за мною, за твоим маленьким сыном? Я бы ушел – ушел, зная, что меня любят, что ни у кого – ни у кого, ни в одном из миров! – нет такого папы и такой мамы, я был бы счастлив даже там, среди бледных асфodelей...

А когда не любят... Когда не любишь сам... Когда тех, кого ты любил, уже нет... Тогда срываешься с цепи – как Пес, как Собачья Звезда. Разве тот, кто любит, захочет завоевать мир? Зачем ему мир?

Иногда мне видится самое страшное: ВЫ против нас, лицом к лицу, копьём к копыю. Отцы – против детей, деды – против внуков. Мы же ВАШИ дети – несчастные, безумные, с отравленной – ВАМИ отравленной! – кровью. Разве можно убивать детей?

Почему ТЫ молчишь, мама? Почему?

Ночь над Азией, ночь...

Мы – тьма. И я – тьма.

* * *

Искусство войны – искусство богов. Боги повелевают людьми...

– Менелай, базилей спартанский! Все ли понятно?

– Все, ванакт!

– Промах, базилей тиринфский! Полидор, базилей лернийский!

– Не подведем, Тидид! Ты сказал, через три года?

– Через три года, ребята. Помните: мы – Аргос!

– Мы – Аргос, ванакт!

– Лигерон! Из твоей доли добычи мне нужно...

– Знаю, дядя Диомед, знаю! Тебе нужно все золото и серебро, да? Я знаю, все уже отдали. Зачем ты спрашиваешь, дядя Диомед? Я ведь не жадина! Это для войны, да? А разве золотом воюют?

– Еще как воюют, Пелид!

– Ой, ты меня впервые Пелидом назвал! Как взрослого!

– Как взрослого, Лигерон Пелид, наследник мирмидонский.

– Курет Идомений! Миносе то этаной?

– Миносе то этаной! Станем Миносами, курет Диомед!

– Богоравный Амфилох! Богоравный базилей Сфенел!

– Сам ты богоравный! Да не волнуйся, Тидид, дело простое. Ты-то будь поосторожнее!

– Капанид?

– Что – Капанид? Капанид, Капанид... Небось меня с собой не берешь! Собака ты после этого, Тидид! Дурная Собака! Этолийская... Мы же с тобой с самого детства друзья! А берешь с собой Эвриала. Он чего, лучше друг, чем я?

– А я беру с собой не друга, ванакт ты недовенчанный! Я беру с собой Эвриала, трезенского базилея. Понял?

– Не понял! А вот что ты Собака Дурная – понял! А если ты там себе шею сломаешь – и не появляйся. Я тебе сам ее доломаю!

– Фоас?

– Э-э, брат Диомед! Зачем спрашиваешь, брат Диомед? Ты сказал – я сделал. Люди готовы, кони готовы. Кони подкованы, люди в эмбатах¹², новых, хороших. Куда ехать, не говори, скажи только – далеко ли? Сколько припасу грузить, скажи, да!

– Да как от Калидона до Фив. Только в десять раз дальше. Или в двенадцать.

– Ва-а-ах!

– Диомед! Что ты задумал, Диомед, расскажи! Мы в Авлиду вернемся, да? Или все-таки под Трою? А то ты всем чего-то говоришь, а мне – нет. Мы же с тобой друзья! Расскажи, мне интересно, мне очень интересно, я все знать хочу, я должен все знать! Ты ведь знаешь, я обязан вернуться, у меня жена, сын у меня... А когда мы выступаем? Завтра утром? Когда?

– базилей итакийский Одиссей Лаэртид! Неужели ты не услышишь, когда заиграет труба? Боги повелевают людьми. Искусство войны – искусство богов...

* * *

Трубы молчали.

Я лгал моему другу, моему бывшему другу Одиссею Лаэртиду. Его дело – отслужить свой пифос с вареньем и корзину с печеньем, мое... Мое – поднять куретов и аргивян еще до рассвета, тихо, неслышно. Поднять, вывести из лагеря.

Возле первого холма, где дорога – надежная хеттийская дорога, вымощенная рыжеватым камнем, начинала взбираться вверх, я оглянулся. Кажется, удалось! Никто не видел, не слышал. Спят! Спят вояки, досыпают предутренние сны бок о бок с добродетельными женами и девами пергамскими. То есть бывшими добродетельными, конечно. Ох, и прибавится же поданных у Телефа-изменника! И в его семье прибавление будет – и у жены, и у дочек... Критяне Идоменея обещали расстаться, сил не пожалеть.

За все надо платить, предатель! И за моего брата – тоже!

Я старался думать о всякой ерунде, о том, как вопили Телефовы дочери, прощаясь с невинностью, как пищали жрецы-кастраты, когда суровый Капанид валил наземь золотых и серебряных идолов, как возмущенно ржали кровные мисийские кони, отъевшие бока в здешних стойлах. Отощаете, дайте срок!

Я думал о чем угодно – только не о том, что лежало в походной суме. То, что я не решился выбросить, хотя ни к чему хранить такое и помнить – тоже ни к чему.

... Знакомая бронзовая рукоять, острое лезвие. Кинжал, хеттийский смертоносный кинжал, родной брат тех, что целили в мою печень. Но и на этот раз бронзовое жало не хлебнуло

¹² Эмбаты – боевые сапоги на толстой, подбитой гвоздями подошве, с массивным и низким каблуком.

крови. Досталось папирусу – небольшому желтоватому обрывку, приколотому к земле прямо у входа в мой шатер.

Письмо. И кинжал – вместо печати. По желтому папирусу – неровные черные значки. Всего одно слово...

– Тидид!

Очнулся. Да, пора! Фоас уже на коне, на гривастом куретском иноходце, и Эвриал Смуглый уже на коне (из конюшни все того же Телефа), а первые всадники уже перевалили за вершину холма...

Я обернулся, поглядел на темнеющее в неясном предутреннем мареве недвижимое пятно, так непохожее сейчас на море...

Хайре! Европа, Темный Эреб, мой родной Номос...

Прощай!

Вернусь ли? Но если и вернусь – то уже не я. Не я-прежний...

– Вперед!

Не сказал – прошептал. И так же тихо ударили копыта по омытому ночным дождем камню...

...По желтому папирусу – неровные черные значки. Всего одно слово: «Прости!» Прости!

И я простил. Простил, потому что сам прощался – и просил прощения у всего, что оставляю: у людей, у стен, у дорожных камней. У себя-прежнего...

Я поглядел вверх, в бледнеющее утреннее небо. Поглядел – усмехнулся. Сорвавшаяся с цепи Собачья Звезда, Дурная Собака Небес, рвалась на восток.

Строфа-II

Лес, редкий, невысокий, почти как наш, этолийский, расступился – и в глаза плеснуло красным. Скалы – огромные, неправдоподобно яркие, с еле заметными зелеными пятнышками чудом уцепившихся за камни деревьев. Река шумела где-то внизу, между каменных стен, пока еще не видимая, но уже слышная. Сакарья¹³ – узкая голубая полоска между красных громад.

Что хуже, когда ведешь войско по чужой стране, – чащоба, где за каждым стволом жди засады, – или горы, где засада может притаиться за первым же камнем? Ну что тут ответишь? Все плохо! И река по пути – тоже плохо. Особенно такая...

– Как ты говоришь, Тидид? Ехидна?

Эвриал Смуглый уже спешил и нетерпеливо поглядывал вперед, откуда должна была вернуться разведка. Едва ли нас тут ждут, но... Но береженных, как известно, боги берегут, а иных-прочих в Аиде стерегут. Особенно если ты не где-нибудь, а посреди Царства Хеттийского. То есть еще не посреди, конечно...

– Ехидна, – кивнул я. – Она самая.

...Только мы трое – Эвриал, Фоас и я – знаем, куда держит путь наше маленькое войско. Знаем, но даже между собой не называем имен. Просто договорились: река – чудище, и гора – чудище, и город, само собой. Правда, городов у нас на пути, считай, и нет. Один только – зато именно он нам и нужен. Его мы Бриареем прозвали. Чтобы страшнее было.

Видать, не наигрались мы в детстве в Геракла!

Гидру, правда, и на этот раз убить не довелось. Обошли мы Гидру – ночью, на цыпочках. Гидра – предгорья Ассувы. Где-то там, за невысоким лесом – войско Великого Солнца Суппи-лулиумаса, владыки Хаттусили. Повезло нам – только один разъезд хеттийский и встретился. Но тут уж Фоасовы куреты не подвели – без звука вырезали. А еще повезло в том, что хеттийцы на запад смотрят, на Трою. Или на юго-запад, на Пергам Мисийский. А мы уже тут, на юге! Проморгали, Сыновья Солнца, ушами прохлопали!

Так что Гидра уже позади. А вот Ехидна, узкая переправа через Сакарью, тут, под самым носом. Ждет. За Ехидной – Химера, за Химерой – Медуза...

Одно хорошо – не опередят. Всего две дороги идут через Азию, а без дорог тут делать нечего: сначала леса да холмы, после – горы. Но южный путь далеко, по нему не поспеть, не выслать гонца. А на северной дороге – мы, три тысячи куретов верхами да четыре тысячи моих аргиев. Потому и высаживался я в Пергаме Мисийском (в Питассе, ежели по-хеттийски), ибо идет северная дорога напрямик из Пергама в... К Бриарее, в общем. К тому же едем мы тихо, никого не трогаем, за все золотом платим (учись, Пелид, это тебе не копьем махать!). А спрашивают – глаза лупим и на корявом хеттийском поясняем, что-де по повелению Великого Солнца спешим. К морю Мрака спешим. Бить каска проклятых спешим. Шибко спешим, однако! И – золотишко в лапы! Пока сходило. Войска тут нет, а стражникам-лежебокам с нами ввязаться не с руки.

...Верно мне дядя Эвмел рассказывал. Все у хеттийцев продается, все покупается! Глядишь, на пергамском золотишке мы напрямик к Бриарее проскользим.

Но Бриарей еще далеко. Пока что – Ехидна. Где же Фоас? Не удержался, курет чернобородый, лично в дозор поехал. Что-то долго... Ага, вот и он!

– Чего-то не так, Тидид! – мрачнеет Смуглый. – Точно говорю!

Не спорю. Сам вижу. Не так.

Ну что тут сказать? Ехидна!

¹³ Сакарья (ныне – Сангарий) – река на западе современной Турции, впадает в Черное море.

– Переправа есть, Диомед, да. Мост есть, маленький, на веревках висит, гнилых, черных, дрянь мостик, хилый, гадкий, плохой совсем – но есть. Да только стерегут его, понимаешь! Крепко стерегут! И не хеттийцы, другие. Такие, знаешь, суровые, страшные даже, с усами...

Страшные? С усами?!

А вот мост – это хорошо!

Молодцы хеттийцы! Ежели строят, так на века, чтобы будущим тельхинам с гелиадами за своих предков стыдно не стало. Вот и сейчас – пока вниз, к Сакарье-реке, спускались, иззавидовался. Хороши, конечно, стены нашего Аргоса, микенские – еще краше, но чтобы так! Скала словно ножом бронзы аласийской срезана, спуск ровный, гладкий, хоть на повозке груженной катись. А что мост на веревках гнилых – тоже удобно. Подъедет к переправе, к примеру, Дурная Собака, заброда этолийский, а стража по веревкам топориками – бац! И скучай, Собака, над обрывом, речкой любуйся.

Об усастьх и страшных почему-то не думалось. Скоро сам увижу.

Увидел!

То есть вначале не их увидел. Частокол! Густой, заостренными концами бревен ошетилившийся. А вот и ворота: тоже бревна, но крест-накрест. А вот за воротами... Впрочем, и перед воротами тоже.

...Усы. Кольчужные рубахи с бляхами бронзовыми. Косицы до самых плеч. Шрамы на загорелых лицах ровными полосками (видать, не в бою, сами расстарались для пушного виду!). Штаны мехом наружу, вроде как у фракийцев, пошире только. Под короткими хитонами мышцы бугрятся-переливаются – Минотавру-Астерию впору. А глаза – хитрые-хитрые, а глаза веселые-веселые!

И, само собой, копья, и, само собой, мечи, дротики, луки, топорики-лабрисы, булавы, молоты боевые. А у самого хитрого да веселого, что нам навстречу вышел, – секира. Всем секирам секира – железная, синего блеска. Да-а-а!

Не только секира. На груди кольчужной, посреди бляшек золоченых – птица хищная хитрой работы. Тоже золотая. То ли коршун, то ли орел...

Переглянулись мы с Эвриалом. И с Фоасом переглянулись. Переглянулись, с коней слезли.

– Или заблудились вы, люди добрые? Или путь-дорожку вам показать? Так мы покажем!

Улыбался усач с секирой – ласково, радостно. Улыбался, рукоять полированную, резбой повитую, гладил. Видать, рад был нам дорогу показать! Посмотрел я на Смуглого: давай, говорун, начинай.

...А речь-то хеттийская, только не очень правильная. Вроде как у нас – но чуть по-иному.

– Так мы дорогу знаем, добрый человек! – усмехнулся темными губами трезнец. – Знаем – и тебе показать можем!

Грянул смех из-за частокола. Колыхнулись копья.

– Ой, глядите! Ой, красивый какой! Да любезный, да обходительный! Ой, душа-парень!

На этот раз уже не по-хеттийски, но все равно понятно. Видать, родичи. Еще шире улыбнулся Смуглый:

– А не жаркий ли денек сегодня? А не искупаться ли вам всем? Вон речка-то рядом!

– Га-га-га-га-га-га! Ой, насмешил, ой, уморил!

Пока хохотали, пока усами да косицами трясли, пока слезы кулачищами вытирали, я на мостик глядел. Хоть и дрянь мостик, прав Фоас, а конница пройдет – ежели по одному и без спеху.

...И не только на мостик. Слева, у камня красного, что лбом в речку влез, – лодки. Дивные лодки! Не из досок, из целых стволов дубовых вытесаны. Говорят, делали такие на Крите еще при Миносах. Откуда же путь держат эти усастьх?

– Вот чего, люди добрые, прохожие! – внезапно нахмурился секирщик. – Мы ванаке хеттийскому не слуги. И иным прочим – не слуги. Земля эта уже наша! И река наша. Так что поворачивайте-ка восвояси!

Я чуть не присвистнул. Вот это да! Приплыли, переправу перехватили, Царство Хеттийское чуть не пополам перерезали.

Кто же это?

– Так дело обычное, – пожал плечами Эвриал Трезенский. – Была ваша, стала наша!

Не принял шуточки усач, еще пуще брови сдвинул. Дернул рукой Фоас-курет – к дротику поближе, колыхнулись копья за оградой.

– Мы шардана! – встопорщились чудо-усы. – Была земля хеттийской – нашей стала! А правит нами Таргатай-кей, и от его имени велю я вам...

– Нам? – поразился трезенец.

А дротик – уже у Фоаса в руке. Да и мое копье...

– А ты не перебивай, парень! – грозно рыкнул усач. – А то мы и сами кой-кого... перебьем.

Все! За его спиной – частокол, за нашей – мои аргивяне с копьями наперевес...

– Перебьете? – поразился Эвриал Мекистид. – Перебьете – если перепьете!

Горой каменной тишина повисла. А после – грянул хохот.

Качнулось небо.

– Эй, гряди, Дионис благой!

Эй-я! Эй-я!

В храм Элеи да в храм святой!

Эй-я! Эй-я!

Эй, гряди да веди харит!

Эй-я! Эй-я!

Ярый Бромий с бычьей ногой!

Эй-я! Эй-я!

Велик мир, бесконечны Номосы, в каждом народов и племен, что песчинок в Лиловом море...

...А пьют всюду сходно! Даже спорить не пришлось. Сначала мы песню поем. Чуток пропоем – к бурдюкам мохнатым прикладываемся. Потом снова поем, вино по жилам разгоняем. И – снова к бурдюкам. А потом – их очередь.

– Добрый бык, принеси лозу!

Эй-я! Эй-я!

Эй, начнем да великий бой!

Эй-я! Эй-я!

К бурдюкам, доблестные аргивяне! К бурдюкам, храбрые куреты! Не посраим Элладу! Расположились тут же, у реки. На камни плащи да попоны кинули, а как стемнело – костры зажгли.

Гряди, Бромий-Ярый!

Поначалу смеялись усачи. Вам-де, ахейцы («ахиява» по-здешнему), только добро переводить, вино доброе водой глупой разбавлять-портить. Первый бурдюк еще выпьете, от второго – в речку свалитесь. А мы, шардана, вино с детского писка пьем, вином умываемся, вином коней поим!

Потом затылки чесать принялись, косицы на пальцы мотать. Затем свои бурдюки выставили. Потом кто-то усатый не выдержал – носом в попону, вином залитую, ткнулся.

То-то! Знай «ахияву»!
– Ты, лоза, не жалея вина!
Эй-я! Эй-я!
Ты, вино, да теки рекой!
Эй-я! Эй-я!

Раскраснелись лица зарей вечерней, побледнел Эвриал Смуглый, базилей-винолей (ну, молодец, трезенец!), охрипли глотки... Не сдадимся, не уступим!

Лишь двое не пьют: я да усач с орлом-коршуном на кольчужной рубахе. На плаще меховом куретском сидим, на дионисомахию посматриваем. Переговариваемся – негромко, чтобы прочим не мешать.

А ведь слышал я уже об этих шардана! За морем Мрака они живут, в Номосе Северном, в Гиперборее. Но не сидится усатым дома. Сначала море на своих лодках-долбленках переплыли, потом в берег хеттийский вгрызлись – не отодрать. А теперь и дальше пошли – на юг. С ванаком хеттийским у них то ли союз, то ли перемирие, да только, видать, конец этому союзу-перемирию нынче настал.

Что я о них слышал – ладно (все знает дядя Эвмел!). А вот что усатые о нас знают, удивило вначале. Аргос, правда, они Аргусой величают, Микены – Микасой, меня – Дамедом-ванакой (а как же еще?). Но ведь знают!

...Ага, допели! Допели, допили, новые бурдюки волокут – мохнатые, огромные, киклопам впору. Не сдастся «ахиява». И усатые не сдаются!

И о Пергаме взятом здесь уже знают. Не иначе, живет в этой земле нимфы Эхо сестра старшая. Да голосистая такая!

– Ой, и лихое же ты дело задумал, Дамед-ванака! – качает косицами усач. – Ой, лихое! Ой, непростой ты парень!

Рассказал я ему все. Понял – нужно.

– А выгорит если? – щурит глаза хитрован. – Докуда дойдем, как думаешь?

– А это уж как от вас, людей добрых, зависит, – щурюсь в ответ. – От вас, от фракийцев, от каска, от тусков, что на юге. Если все вместе да в час единый.

Задумался, ус принялся крутить – левый...

– Оно можно. И гонцов послать, и дороги поделить, чтоб локтями не пихаться сдуру. Да только сполох нужен, ой нужен! Чтобы гром грянул да молния огнем сверкнула. Понял ли, о чем говорю, Дамед-ванака?

Понял ли я? Гром да молния – этим мой Дед, мой НАСТОЯЩИЙ Дед славен, да только не станешь же ЕГО просить! Да и нет ЕМУ власти тут, в Азии, в Номосе Восточном. А какой из меня, из Дурной Собаки, громовержец?

Хотя...

Ну все, теперь очередь шардана петь! Жаль, их наречие, хоть и с хеттийским сходное, все же не прозрачнее Древнего языка. А хорошо бы послушать, о чем усачи петь станут. Вон как серьезно к делу приступают! Брови сдвинули, кружком сели, вздохнули.

Выдохнули.

– То не черная туча вставала! Туча!
То не буйные ветры шумели! Ветры!
Едет полем раздольным Великий Змей.
Змей Великий, огню отец!

Что за притча? А ведь понимаю! Словно из-под тонкого осеннего льда рыбками-красноперками всплывают слова...

– А навстречу грядет кей Кавад! Грядет!
А в руках держит молот-смерть. Молот!
Не гулять тебе больше, Змей!
Не палить тебе наших нив!

Жаль, нет времени вслушиваться (чего, интересно, с этим Змеем дальше стало?). Сполох, гром с молнией... Чтобы все увидели да услышали, все – от моря Лилового до моря Мрака, от гиперборейских льдов до эфиопских песков.

– Сполох, говоришь? Будет вам сполох!

...А под утро, когда Гелиос Гиперионид (то есть, конечно, не он – Истанус, сын Сиусумми-Света) из-за красных скал выглянул, принялись мы с усачом павших считать. Да не досчитали, бросили. Пали шардана и аргивяне, куреты – все, до бойца последнего. Пали – но с честью, носами к бурдюкам пустым. Вдохнули мы, вытащил усач бурдюк последний, заветный, вынул пробку деревянную...

Пали воины – вожди в бой идут.

* * *

Зеленый весенний лес позади, и красные скалы позади, и голубая лента Сакарьи-реки. Далеко остались горы, за горизонт неровный ушли. Холмы – желтые, в редкой выцветшей траве, с неяркими пятнами чудом выживших кустов. Земля Пала, каменистая равнина в пупырышках холмов, пустыня, где каждому дереву кланяешься, как земляку. А вдоль дороги вместо герм лупоглазых (прощай, Психопомп, не скоро встретимся!) – львицы каменные с женскими ликами. Молчат, смотрят – спокойно, невозмутимо. И не такое видели, поди!

Горит в небесах Солнцеликий Истанус, белеет от весенней жары хеттийское небо, обитающе Светлоокой Ханнаханас, а дорога ведет все дальше, на восток, к самому сердцу Земли Асов, в средоточие Восточного Номоса...

– Радуйся, родина наша далекая!
Хей-я! Хей-я!
Радуйся, Аргос, богами хранимый!
Хей-я! Хей-я!

– Эх, заехали мы с тобой, брат Диомед, подумать страшно, сказать даже страшно! Дома расскажу – не поверят. Поклянусь – не поверят. Землю с кровью съем – не поверят, да!

– Поверят, брат Фоас, поверят!..

Пуста, безлюдна желтохолмная Пала. Лишь в редких селеньицах, спрятавшихся за глинобитные белые стены, можно прикупить пресные ячменные лепешки да худых, брыкающихся коз. Стражники в льняных плащах, с копьями чуть ли не тростниковыми на нас и не смотрят – на обрезки золота смотрят, что мы в их ладони загребушие суем. Но расслабляться рано, и победу праздновать тоже рано...

– Днем о тебе вспоминается сладко!
Хей-я! Хей-я!

Ночью лишь ты нам, отечество, снишься!
Хей-я! Хей-я!

– Не ясно мне все же, Тидид. Поясни!

– Понимаешь, Смуглый, Хеттийское царство слишком большое. Никакого войска не хватит, чтобы поставить всюду гарнизоны. Поэтому Суппилиумас размещает отряды в самых важных точках...

– Которые Гидры с Ехиднами?

– Которые. Переправы, главные крепости, перекрестки. Дорог здесь мало, но они очень хорошие, удобные. А у хеттийцев – конница и легкие колесницы. Стоит поднять тревогу...

– Так что там впереди? Гарпия?

А по ночам (тепло здесь спать, хоть без плаща на землю падай!) – звездный огонь с черных глубоких небес. Лежи, руки за голову закинув, считай огоньки под меднокованой твердью.

... Чем дальше от Ахайи, от Лилового моря, от родного Номоса – тем спокойнее на душе. Словно и вправду я-прежний, сирота с Глубокой улицы, ванакт-наемник на чужом троне, остался где-то там, у нелепых пергамских стен. Ушла боль, растворилась среди желтого простора, и даже Амиклу можно вспоминать без грусти, даже маму. Словно не со мною это было, словно случилось все в века допотопные, в чужой чьей-то жизни – славной, хорошей, но чужой. И будто нет уже Диомеда Тидида, а по ровной хеттийской дороге, по земле Светлых Асов, едет Дамед-ванака, Дамед-бог...

– Горек глоток из чужого колодца!
Хей-я! Хей-я!
Тленом разит запах хлеба чужого!
Хей-я! Хей-я!

...И вправду, наше Эхо, пугливая нимфа, здешнему даже не сестра младшая. Хоть и быстро едем, никого вперед не пропускаем, а хеттийское Эхо начеку. Узнают! Узнают, кланяются, иногда на колени бухаются. «Дамед-ванака! Дамеда-давус!» А ведь «давус» по-хеттийски «бог» и есть!

Одно плохо: не угнаться нам за здешним Эхом. А ведь впереди – Гарпия, перекресток, самый важный, самый опасный. Перекресток – и крепость на холме.

– Солнце чужое огнем обжигает!
Хей-я! Хей-я!
Небо чужое – могильные плиты!
Хей-я! Хей-я!

– Мантос?

– Все понимаю, Диомед-родич, все вижу. Ночью пойду, да. Сам пойду, ванакт! Сам пойду, Фремонида возьму, брата своего возьму, племянника возьму. Не подведем, ванакт Диомед! Тихо резать будем, тихо душить будем, зарежем, задушим – ворота откроем. Не пойдем даже – поползем, змеями поползем, ящерицами...

Змеи и ящерицы ползут в ночь...

Искусство войны – искусство богов. Боги повелевают людьми. Боги посылают людей на смерть...

* * *

Эй, куреты! Провожаем в дальний путь свою родню!
Пусть дорога будет легкой из чужбины в отчий край!
Хо-о-о-о! Хой!
Как же им домой добраться, как их душам путь найти?
Мы польем вином дорогу, кровью вражеской польем!
Хо-о-о-о! Хой!
Плохо гибнуть на чужбине, от родных огней вдали!
Еще хуже киснуть дома да без славы помереть!
Хо-о-о-о! Хой!
Что же им сказать в Аиде, нашим пращурам сказать?
Пусть гордятся нами предки, пусть к себе с победой ждут!
Хо-о-о-о! Хой!

* * *

– Э-э, ванакт! Там такое, ванакт! На коня садись, поехали, посмотреть тебе надо, да!

Пора выступать, погребальные костры залиты вином, серой гарью дымит мертвая крепость, дорога пуста... Да только вид у Мантоса-старшего уж больно странный. Вроде бы ехал себе, ехал чернобородый (по южной дороге, что к морю Зеленому ведет, я его направил – для пущего бережения), а у дороги той – гора золотая. И радость (гора! золотая!), и жалко, сотой доли не унести.

– Не хеттийцы? – поинтересовался я на всякий случай, на конскую спину садясь.

– Э-э-э-э! Зачем хеттийцы, ванакт? Тебе нужны хеттийцы? Мне нужны хеттийцы? Нам нужны хеттийцы? Поспеш, ванакт, поспеш, родич! Ай, поспеш!

А в черной бороде – широкая улыбка. Видать, велика та гора золотая!

Ну, если «ай!»...

Я не ошибся – гора. Не золотая, конечно. И даже не красная – обычная, серая, в негустом кустарнике, словно у нас в Этолии. К горе дорога ведет, за камни цепляется, а в горе – дыра черная, перед дырой вроде как площадка ровная, гладкая. Хотел спросить – не успел. Подмигнул мне старшой – и остальные гетайры, что со мною увязались, подмигнули, языками прицокнули.

– Ай, не скажем! Ай, сам посмотри, родич!

Крут подъем, да невелик, вот уже и площадку видать, и каменные личины, что в скальную плоть врезаны (то ли все те же львицы, то ли кто еще, не разобрать), и колонны по бокам. Видать, храм! Видел я уже такие – и у нас, и тут, у хеттийцев...

Тогда почему «ай»? Хотел переспросить, вновь вперед поглядел. Раздумал.

Понял.

Девчонки. Девочки. Девушки. Девицы...

Ай!

...В белых накидках, в золотых ожерельях, в блистающих цветными камнями браслетах, в диадемах серебряных. И просто так тоже – без всего этого, лишь в венках из цветов. На личиках юных, белых, смуглых, курносых, губастых, тонкогубых – улыбки. Никак рады?

Ай!

Протер я глаза, себе не веря, а мои гетайры уже с коней слезли, тоже улыбаются, бороды свои черные оглаживают. Не испугались девчонки, ближе подошли, руки в браслетах к небу жаркому подняли. Запели – весело, дружно. Да так запели, что тут же подпевать захотелось. Сверкнул Фремонид-гетайр уцелевшим глазом, шлем кожаный снял, к самой высокой да красивой подошел, поклон отдал. Звякнули браслеты, протянули тонкие руки венка – прямо на Фремонидову буйную голову.

Тут только и очнулся я. Очнулся, байку, которую мне когда-то Любимчик поведал, вспомнил. Мол, живут в Океане чудо-девы, Сирены-Певуньи, да только опасно возле тех Сирен даже мимо проплывать...

– Храм это, родич, понимаешь! – жарко зашептал мне в ухо Мантос. – Бог тут такой хороший, девочек собирает, самых красивых, самых добрых, самых...

Не договорил. Облизнулся. Сглотнул.

А девчонки допели, ближе подошли, вновь браслетами звякнули.

– Ма-Инарас! Ма-Инарас! Ма! Ма! Ма!

Понял я – худо дело. Еще раз запоят – и останусь я без моих гетайров.

Что должен делать воевода, когда войско в бегство ударилось? Правильно – вместе с ними бежать, «Заманивай, братцы!» кричать... Шагнул я вперед, улыбнулся.

– Радуйтесь, красивые! Великое Солнце!

(«Радуйтесь» – это по-нашему, а «Солнце», понятное дело, по-хеттийски.)

– Солнце, Великое Солнце! – заулыбались в ответ. – Ма! Ма-Инарас!

А вот и венок! Пора шлем снимать...

– Спасибо, красивые! А вы куда? Наз-з-зад!

Последние слова, ясное дело, уже по-этолийски. И не красавицам.

– Назад, говорю! Поклониться! Улыбнуться! И – вниз!

Стон к небесам вознесся. Тяжелый, протяжный...

– Э-э, ванакт! Э-э, родич! Э-э, Диомед!

– Отставить! – выдохнул я, не оборачиваясь и девчонкам улыбаясь. – Только вас тут не хватало, оборотов! Ишь, когти распустили, орлы плевронские! Девчонок не обижать!

– Так по согласию же, родич! По согласию!

Я только рыкнул (негромко, дабы красавиц не испугать). Знаю я это куретское «по согласию»!

И снова – стон к небесам. Хотел я повернуться, чтобы ясность полную навести, – да опоздал. Самая красивая, в диадеме да в ожерелье, уже рядом. Улыбается.

– Радуйся, Дамед-ванака! Не прогоняй своих друзей. В доме Ма-Инарас всегда гостям рады!

(А за спиной моей уже не стон, вздох радостный.)

– Спешим, уважаемая, – пожал я плечами. – Мои... э-э-э... друзья хотят лишь поклониться твоему великому богу, спасибо сказать да удачи попросить.

– Моему богу? – В глазах под длинными ресницами – изумление. – Ма-Инарас богиня, а не бог, и не наша – ваша, из земли Ахиява. Десять лет назад ОНА сюда пришла, собрала нас всех, ОНА самая лучшая, самая добрая. Вы ЕЕ любите, мы ЕЕ любим. И ОНА всех нас любит!

...Плеснула невидимая река, черным крылом Таната зашелестела – рядом, совсем рядом.

– Кто? Кто ОНА?

– Она? – удивленно дрогнули длинные ресницы. – Великая Киприда! Великая Атроди... Афродита! Пенно... Пеннорожденная! Ма-Инарас!

...Мраморная крошка сыталась, падала на гладкий скользкий пол. Но из-под камня, из самой глубины, все так же проступало ее имя.

АМИКЛА

Я понял – это не писали. Вернее, писали не люди...

– Воля богини! Воля богини, ванакт! Раз в несколько лет мы приносим жертву... Кровавую жертву. Только по жребию, только тех, кто сам согласится...

Я открыл глаза и посмотрел в небо, в белесое хеттийское небо, безоблачное, ясное. Значит, ТЫ уже здесь, Косоглазая Убийца?¹⁴ ТВОЯ Грибница – даже тут, посреди Азии? Здесь тоже – по жребию? Или всех подряд – на алтарь, на кровавый мрамор? Ведь ТЫ же ВСЕХ любишь, правда?

Что-то говорила жрица – испуганно, быстро, что-то шептал на ухо Мантос, но я уже не слышал, не понимал, не хотел понимать, чужие слова скользили мимо, мимо...

Помнишь мою клятву, Пеннорожденная? Помнишь мою кровь? Амикле уже все равно, зато не все равно мне, Диомеду Тидиду, Дамеду-ванаке. Дамеду-богу!

МНЕ!

– Где? Где ОНА? Веди!

Золотой лик улыбался, золотые руки тянулись ко мне, золотые груди топорщились острыми сосками. Я отступил на шаг, сцепил зубы, всмотрелся.

...Идол на невысоком белом камне, за ним – украшенный цветами алтарь, по бокам – тоже идолы, только совсем маленькие, на каменных стенах узорные фрески, по углам – бронзовые светильники горячим маслом дышат, стараются. Хорошо устроилась, Киприда, богиня Любви, кровавая убийца! Удобно! Думаешь, здесь, в сердце горы, до тебя не доберутся?

Я не доберусь?

Чуть сзади удивленно дышали мои гетайры. Перепуганные девчонки столпились у стены. Они не догадывались, все еще не догадывались... Я поглядел прямо в мертвые золотые глаза, оскалился, обернулся.

– Фремонид! Секиру!

...Секиру нам подарили шардана – тяжелую, густой черной бронзы. Вовремя!

Недоумевающий гетайр моргнул единственным глазом, шагнул ближе. Мои пальцы сжали плотное полированное дерево...

– Нет! Не-е-е-ет! Не-е-е-е-е-ет!

Крик – отчаянный, полный ужаса. Крик, слезы на глазах. Девчонки бросились вперед – ко мне, к своей богине...

– Дамеда! Дамеда-ванак! Не надо! Ма-Инарас добрая! Добрая, хорошая! Не надо! Нет! Не-е-ет!

Я сжал секиру, отступил еще на полшага...

– Не смей! Не смей! Она добрая! Не на-а-а...

Нахмурились гетайры, ближе ко мне подступили. Легли пальцы на рукояти мечей.

Не успели...

– Не трогай ЕЕ, злой Дамед-бог!

Девочка – самая маленькая, босоногая, в венке из горных цветов.

– Злой! Злой!

В неярком свете горящего масла блеснуло лезвие – тонкое лезвие хеттийского кинжала в тонкой детской ручонке.

– Злой!..

Опустил Мантос-гетайр меч. Тихо стало вокруг. Как на Поле Камней. Как в могиле.

¹⁴ По представлениям греков, Афродита была косоглазой.

...Под моими пальцами – теплая кровь. Под моими пальцами – теплая кожа. Теплая, холодеющая с каждым мигот. Жилочка на шее уже не билась...

Встал, поглядел в гаснущие, полные ужаса детские глаза. Поклонился.

Прости!

Отвернулся.

– Мантос! Все здесь уничтожить! Все! Ты понял меня? Понял?!

Думал, переспросит, возразит. Смолчал. Не стал спорить со своим родичем. С ванаком. С Дамедом-богом.

Со МНОЮ.

...И никто не стал. Даже ОНА, косоглазая тварь, золотая уродина. Лишь в пустых глазницах – странный отблеск. Страх? Гнева?

Дамед-бог презирал ЕЕ страх. Дамед-бог смеялся над ЕЕ гневом. Секира ударила прямо по глазам. По ЕЕ глазам...

Плещет, плещет...

– Эй, Тидид, что случилось-то? Ты же черный весь! Ты же меня чернее!

– Басилей Эвриал Трезенский! Какие чудища впереди?

– Но, Тидид... ванакт... Медуза впереди, а за нею – Бриарей, да только...

– Отставить, басилей! Выступаем! Немедленно!

– Э-э, брат Диомед! Не грусти, брат Диомед! Лучше скажи, почему так выдумал? Медуза, понимаешь, Бриарей, понимаешь! Сильно страшно чтобы было, да?

– Медуза, Фоас, – это и вправду страшно. Мост через Марасантию¹⁵ – если не прорвемся, сгинем, там ведь горы вокруг. А Бриарей...

– Хе! Знаю! Сто рук, сто ног, все хватает, всех душит, да?

– Точно! Так и хеттийцы – сотни лет в сто рук хватали. А мы их по рукам ка-а-ак!..

– Ва-а-ах!

Бриарей – Хаттуса, столица Царства Хеттийского.

Хаттуса!

¹⁵ **Марасантия** (ныне – **Кызыл-Ирмак**) – река на территории современной Турции, делит ее на западную и восточную части. Впадает в Черное море.

Антистрофа-II

Солнцеликий Истанус, сын Сиусумми-Света, в это утро был робок. Не бог – соглядатай. Золотое Око так и норовило спрятаться за невесту откуда взявшиеся тучки, словно бог боялся ступить на белесое хеттийское небо в славе своей, бросить яркие лучи на плоские черепичные крыши, на золоченые колонны храмов, на высокие зубчатые стены. Прятался бог, все-сильный, всемогущий Истанус, громоздил облачный щит и только изредка выглядывал-поглядывал, все еще не веря, но уже страшась.

Мы удивили ТЕБЯ, Солнцеликий? Напугали? Так прячься, Истанус, закрывая всевидящее Око, ТЕБЕ уже не помочь ТВОИМ сыновьям, не вступить за них. Поздно перепоясывать чресла, копить оружие, идти в бой...

– Ванакт! Он говорит...

– Слышу.

Опускать глаза не хотелось. Еще успею! Успею увидеть золотой огонь бессильно распахнутых ворот, изумленные глаза каменных львиц, перепуганные взгляды очумелых стражников. Успею!

Львиные ворота. Почти как в Микенах, в далекой Микасе, когда-то склонившей выю перед мечами Сыновей Солнца. Далеко протянула лапу хеттийская Львица! Знала ли она, впинаясь когтями в плоть Ахиявы, что наступит этот день, наступит это утро...

– Переведи: я клянусь, что не трону никого, если воины бросят оружие. На раздумья времени не даю. Пусть сдаются!

Все это лишнее. И разговор с перепуганным тысячником – верзильой в надетом набекреннем высоком шлеме, полуголым, в одном цветастом фартуке с бронзовыми бляхами – тоже лишний. Аргивяне и куреты уже за воротами, над узкими улицами, над плоскими черепичными крышами разносится победное «Кур-р-р-р-р! Арго-о-о-ос! Кур-р-р-р-р-р!».

...Повезло – и на этот раз. Сонная стража обманулась знакомыми хеттийскими шлемами, которыми прикрыли свои черные кудри всадники Фоаса. Много этих шлемов досталось нам после резни на берегу Марасантии. На всех хватило бы!

– Он говорит, что согласен сдать город, но не понимает, отчего ванакт Аргоса напал на Хаттусу, ведь наши царства не воюют, мы – друзья...

Отвечать не стал, лишь рукой махнул. Поймет – потом, может быть. А не поймет – что мне за горе? Встречай нас, Хаттуса! Падай на колени, хеттийский Бриарей!

– Ай, брат Диомед, какой город, какой город! Дома какие, стены какие, девушки какие! Давай уезжать не будем, здесь жить будем, овец пасти будем, вокруг трава хорошая, вода хорошая, я на одном холме шатер поставлю, ты – на другом! А в город ездить станем, к девушкам ездить станем, да? Ай, какой город!

Колонны, колонны, колонны – много, не охватишь взглядом. Над колоннами – золоченая крыша, над нею, чуть дальше – зубчатое острие огромной белой башни. Пусто, тихо... Вот я и у тебя дома, Великое Солнце, Суппилиумас Тиллусий, ванакт хеттийский!

Не ждал?

Пуст дворец, брошен – как палаты моего деда Ойнея Живоглота в тот день, когда я вернулся из-под Фив. Пока мои куреты искали дорогу в лабиринте узких улочек, пока поднимались по пологому склону к дворцовым воротам – разбежалась челядь, и стража царская разбежалась. Ходи, голову задирай, на потолки расписанные глазей, на идолов пучеглазых, на окна высокие, слюдой запечатанные. Скучно, тоскливо даже. Бродят по пустым залам, по безлюдным покоям мои гетайры, по сторонам поглядывают, языками цокают...

Да и в городе тихо. Эвриал Смуглый аргивян по всем стенам и башням расставляет, ворота (ой, много же их тут!), какие лишние, камнями закладывает, Фоас со своими куретами на улицах порядок блюдет, золотишко-серебришко подбирает. Все поняли жители славного города Хаттусы, сами добро из домов выносят, сами под конские копыта кладут.

Страшно! Ни разу еще чужаки в ворота Солнечных Львиц не входили!

Почему-то казалось, что будет иначе. Особенно после боя на переправе, где мы впервые встали с хеттийцами грудь к груди, копьё к копыю. Здорово дрались Сыновья Солнца! И я уже видел, как мы выбиваем ворота Хаттусы тяжелым тараном, как режемся на улицах, как с боем врываемся во дворец... Обошлось! И даже жалко, что обошлось. Будто не победители мы – воры ночные, что в дом забрались, пока хозяин в отлучке.

Как поживаешь, Эхо? Не подведи, постарайся, неси во все концы неслыханные вести – по всему Номосу, по всей земле Светлых Асов. Пала Хаттуса, неприступная столица, логовище Золотых Львиц, город, грозивший когда-то великому Баб-Или, сломивший гордых ассурцев, наводивший страх даже на всемогущую Кемии.

Я вновь поглядел наверх, где за серыми тучами прятал свое горящее Око Истанус. Не видать тебя, Пес, Собачья Звезда, но я знаю, ты там, вольный, сбросивший цепи. Ты привела меня сюда, Дурная Собака Небес! Так веди же меня дальше, Пес!

Веди!

В огромном зале – огромный стол. Не из дерева – из бронзы. Пустой, гладкий, лишь посредине – что-то знакомое, уже виденное. Круглое.

Подожел, осторожно коснулся пальцем. Усмехнулся.

Номос!

Маленькие медные горы, застывшие капли островов посреди гладкого моря, ровная дуга Океана вокруг. Будто я снова у дяди Эвмела, в первый раз, и он спрашивает у меня...

«Это наш мир, мальчик. Точнее, Номос».

Нет! Не так что-то!

Всмотрелся, головой покачал. Ну, конечно, у дяди Эвмела *наш* Номос из бронзы вылит – Европа, Эреб, обитель Тьмы. Здесь же – Восточный, земля Светлых Асов. Вот и реки знакомые, и мешанина гор на востоке, и чудо-рыба остров Кипр...

И все равно – не так! Вновь поглядел. Понял.

И удивился – еще пуще.

– Э-э, ванакт! Скажи, ванакт...

Гетайры! Видать, насмотрелись уже. Налюбовались!

– Скажи, ванакт, грабить будем, а? Жалко грабить, понимаешь, красиво очень, будто на Олимп попали, к Дию Ясному в гости попали! Пусть остается все, люди ходить будут, смотреть будут, радоваться будут...

Смущены чернобородые, словно и вправду на Олимп по ошибке на конях своих гривастых залетели. Не первый раз я сегодня такое слышу. Не первый, не второй. А чему удивляться-то? Для куретов и пещера моего деда Ойнея – дворец. А тут!

Вдохнул я, по сторонам огляделся. И вправду – здорово! Не один век, поди, украшали, старались. Жалко...

– Не будем грабить. Оглянитесь только, в каждый угол загляните.

А на сердце – рак черный, морской. Клешнями вцепился, не отпускает. Все верно мы с Агамемноном решили, все рассчитали... А все равно – жалко! Будь я и вправду Дамедом-богом...

Странная мысль заставила остановиться, каменной колонной застыть посреди пустого дворца. Что-то слишком часто я стал называть себя этим самым «даvusом». В шутку, конечно... Но ведь называю же я себя Дурной Собакой! И ничего, не залаял пока!

И хвост не вырос.

А вот почему в Номосе, не в настоящем, а в том, что хеттийские умельцы из меди сотворили, не хватает...

– Держи-и-и-и-и!

Оглянулся. Не тут, но где-то рядом. А пальцы уже – на рукояти меча.

– Держи-и-и-и! Вот та-а-ак! Э-э, зачем бежишь?

Ну вот, выходит, не пуст дворец!

Рядом с залом Номоса – горница невеликая. Даже не горница, а вроде как кладовка. Сундуки, ларцы расписные (из Кеми, по всему видать).

...Раскрытые, перевернутые.

– Куда бежишь? Зачем бежишь? Сюда иди, да!

А посреди хаоса, посреди всякой ерунды, что из сундуков-ларцов тех выпала...

– Э-э, хорошая какая! Кулаками не маши, да. Не кусайся, да. Скажи: по согласию!

Я только вздохнул. Кому что, а Данаидам – бочки. Ну а моим чернобородым...

– По согласию, да? Ну, скажи, хорошая!

Ясное дело – девушка. Поди, в сундуке пряталась. Да только от куретов и в Океане не укроешься.

– По согласию, да?

Всмотрелся, снова вздохнул. Не девушка – девчонка совсем. Худая, ребра кожу раздрают, рот губастый до ушей – и ноги костлявые от тех самых ушей растут. Ну и страшненькая! Прямо как моя богоравная супружница лет этак двадцать назад... И поясок яркий с камнями вокруг пояса. И серьги серебряные в ушах. Видать, не рабыня.

А здорово дерется! Кулачки худые так по носам куретским и гуляют! Да только моих гетайров теми кулачками не напугаешь. И ведь молча дерется! Правда, кого тут на помощь звать?

...А мне Амикла вспомнилась. Куснул рак морской сердце...

– Э-э, какая горячая! Какая хорошая, да! Ну скажи, что по согласию!

Сорвала куретская лапа повязку набедренную, льняную с бедер худых. А другая уже девчонку на сундук валит.

– Ванакт! Ванакт Диомед Тидид!

Дернуло меня от ее голоса. Не сразу понял, что позвала она меня не по-хеттийски.

– Ванакт! Я тебе нужна! Я тебе пригожусь!

По-ахейски позвала девчонка.

Дрогнули куретские лапы. Отдернулись. Вскочила – голая, лишь в пояске золотом и серьгах. Ко мне рванулась.

– Я тебе нужна буду, ванакт аргивянский!

Загоготали чернобородые. Мол, нужна, конечно, нужна! И ванакту нужна, и нам нужна, и кто мимо пройдет – тоже нужна.

– Я все наречия знаю! Тебе понадобится толмач! Тебе понадобится...

Странное дело, вроде как даже не страшно ей. С характером, видать, губастая! А вот насчет толмача...

– Все наречия? – удивился я. – Такого не бывает.

Не просто так удивился – на языке Древнем. Чтобы сразу понять.

– Этоноси куса атори те кефтиу...

Поймал я рукой челюсть, головой мотнул. Да-а-а...

Гетайры тоже что-то поняли. Посторонились. Поморщилась девчонка, ладошкой по плечу провела, словно след от пальцев куретских стирала.

– Я – Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Мой отец, да будет тепло ему в царства Телепина, умер в прошлом году. Ты знаешь хеттийский, ванакт Диомед, но этого мало...

Кивнул я, соглашаясь. Мало, конечно.

– А наречие Кеми тебе знакомо, Цулияс, дочь Шаррума? И Баб-Или?

– Конечно, – дернулись худые плечи. – Только, ванакт, в Баб-Или нет своего наречия. Раньше там разговаривали по-суммерийски, сейчас – на касситском, но в последние годы в войске лугалья стали говорить на языке халдеев...

– И ты все знаешь? – поразился я, все еще не веря.

– Ну, не все, – слегка смутилась она. – По-суммерийски только читаю, но на нем сейчас никто не разговаривает, как и на старом наречии кефтиу, на котором ты ко мне обратился...

Поглядел я на эту худобу костлявую, губастую. Подумал чуток.

– Хитон, плащ, эмбаты, дорожную шляпу.

Засуетились гетайры. Вот уже кто-то хитон с плеч сдирать стал, кто-то – эмбаты с ног стягивать.

– Надеть!

Полюбовался я на то, что вышло, усмехнулся.

– Ну, мужи куретские, кто это?

Открыл рот Фремонид Одноглазый. Закрыл. Снова открыл.

– Я спрашиваю, кто это?

– Мальчик это, ванакт! – послышался чей-то неуверенный голос.

– Не мальчик! – отрезал я. – Это мой гетайр-толмач, ваш товарищ. А зовут его... Курос¹⁶. Поняли? А теперь поздоровайтесь!

– Э-э-э-э-э...

– Я сказал – поздоровайтесь!

– Радуйся, друг Курос! – пробормотал Одноглазый, с трудом языком ворочая.

– Радуйся, друг Курос! Радуйся! – послышалось со всех сторон.

– Радуйтесь, мужи куретские! – сверкнул глазенками толмач Курос. – Хорошо, когда друзья рядом!

– Ты хочешь о чем-то спросить, Смуглый?

– Ванакту не задают вопросов, Тидид. Особенно на войне.

– Не обижайся, Мекистид! Тогда... тогда я в самом деле... вроде как спятил, что ли... Извини!

– Да ладно! А насчет вопросов... Сам понимаешь, влетели мы в эту Хаттусу по-наглому...

– А хеттийское войско уже сюда спешит? Одно с запада, другое – с востока, да?

– Я понимаю, на севере фракийцы вместе с этими усатыми, на востоке – каска и урарту, на юге – туски. Они, да еще вместе с нами, разнесут хеттийцев за месяц. Но это если все вместе. Но ведь Суппилиумас может заключить с ними перемирие. Пока все эти туска сообразят, пока затылки почешут...

– Поэтому надо дать им знак. Сполох! Чтобы гром грянул, молния блеснула, чтобы всем ясно стало – нет больше великого Царства Хеттийского. Рви его на части, громи, разноси в щепки... А мы пойдем на юг, к Зеленому морю. Знаешь, где сейчас Щербатый с Капанидом?

¹⁶ Курос – юноша, молодой мужчина (греч.).

– Дай догадаюсь, Тидид... На Кипре, поди? И в этой, как ее... Киликии¹⁷? А я сразу подумал, когда ты с ними Идоменея-критянина послал. Ведь там, на Кипре, у Амфилоха родичей – половина острова! Слушай, а что за этот... сполох такой?

– Сполох?

Последний день – яркий, солнечный, теплый. Белесое небо над головой, белесые камни под ногами... Последний день в славном городе Хаттусе. Последний – для нас.

...И не только для нас.

Все уже сделано, все готово. И кони готовы, и повозки, добычей груженные, и проводники, что поведут войско на юг, к Зеленому морю, где ожидает критский флот Идоменея, где ждут нас Капанид со Щербатым. Нечего нам делать тут, в пустынной Азии. А вот на юге, где плещет море, где снулой рыбой плавают Медный Остров... Молодец, Смуглый, сообразил! Не зря я его с собой взял.

Все готово. И время еще есть – до сумерек, до ночи. Пусть распрощается с нами Солнцеликий Истанус!

...И не только с нами.

А пока делай что хочешь, броди по улицам, на дома смотри, на народец поглядывай...

А ведь очухались хеттийцы! Уже торгуют, уже в харчевнях пиво светлое пьют. (Тоже мне пойло, издевательство одно, не Бромий – Бром¹⁸!) Вроде и бояться им нечего. Сгребли злобные «ахиява» золотишко с серебришком, по храмам пробежались, по дворцам. В дома и заглядывать не стали. Так что торгуй, пиво потягивай.

Пока...

Белесое небо над головой, белесый камень под ногами...

– Что такое, парни?

– Э-э, ванакт! Хеттийцы пленные с цепи сорвались, ванакт! Дерутся, друг друга колотят. Совсем озверели, понимаешь!

Не понимаю. Добро бы еще с нашими дрались, со стражей куретской.

– Пошли!

Темницы в славном городе Хаттусе не нашлось. Да и к чему ее, проклятую, искать? Загнали мы воинов, которые оружие бросили, во двор храма, что рядом с дворцом. Большой такой храм (бога Тешшуба, который тут дождями ведает), и двор большой – на всех хватило. Думали, подержим пленных денек-другой, а как уходить будем – отпустим. Не к Зеленому же морю их волочь!

...И не в рабство продавать! Подкатывались тут ко мне купчишки бородатые из Ассира, так я их в тычки прогнать приказал.

И с чего им, хеттийцам, драться?

Дрались прямо во дворе. С шумом, с криком. Стенка на стенку. То есть не все дрались. Толпа кружком стала, плечи сомкнула, а посреди...

– Те-ле-пин! Те-ле-пин! Те-ле-пин!

Стенка на стенку (в одной стенке вроде как дюжина, в другой – тоже дюжина, все босые, в одних повязках набедренных), ноги в ноги лупят... Ноги? А руки?

– Те-ле-пин! Те! Ле! Пин!

Странно, однако: бегают, по ногам лупят, друг друга обгоняют, а руки вроде как не при деле.

А что это под ногами? Круглое такое?

– Те-ле-пин! А-а-а-ах!

¹⁷ Киликия (Кициувадна) – область на юго-западе современной Турции, на побережье Средиземного моря.

¹⁸ Игра слов. «Бромий» – прозвище Диониса, бога вина. «Бром» – «вонь» (греч.). Греки пиво не любили!

Так это они не по ногам лупят! По круглому они лупят, а это круглое так и летает. Налево – туда, где две палки в щели между камнями воткнуты, потом направо, где тоже две палки...

– Иллу-у-у-у-у!

Ага, никак это самое круглое («иллу» – «голова» по-хеттийски!) аккурат между двумя палками и влетело?

– Иллу-у-у-у-у! А-а-а-а-а-ах!

Те, что круглое (голову?) между палок закинули, обнимаются, по плечам друг друга лупят. А толпа ревет, руками машет... Так ведь не драка это! Это же...

– Козлодрание, понимаешь! – сообщает мне какой-то чернобородый. – Только козла у них нет, репа эта кожаная есть, они ее, ванакт, ногами бьют, они, понимаешь, ее с края до края гоняют, да?

Да, козлодрание, точно как в Куретии Заречной. Только там каждый сам за себя, а тут вроде два войска собрались. И не козла таскают – репу... Репу? Не похоже? Хотя и далеко, и спины мешают, а все же понять можно – не репа. И побольше, и вроде как... с глазами? Нарисованными, конечно, но все же... Никак и вправду – «голова»?

– Телепин! Телепин! Те-ле-пин!

Ну вот, снова забегали. А куреты с аргивянами, те, что посообразительнее, тоже кричать принялись, подбадривать. И в самом деле, куда в следующий раз это круглое с глазами залетит?

– Мантос! Видишь?

– Да, ванакт, вижу, ванакт. Хорошо бегают, понимаешь!

– Когда набегаются, расспросишь, что к чему. Пусть нас научат. А мы их за это на свободу выпустим!

– Э-э, Диомед-родич. Когда репу эту гонять станем, я первым пойду, тем, кто впереди бежит!..

Целый день впереди. Последний... Можно бродить по улицам, глазеть по сторонам, даже улыбаться. Еще есть время до вечера, до того мига, когда уйдет за холмы Солнцеликий Истанус, и воины побегут по улицам, собирая народ на главную площадь, и откроются ворота, и поднимется крик до самых темнеющих небес.

Последний день – яркий, солнечный, теплый. Белесое небо над головой, белесые камни под ногами... Последний день в славном городе Хаттусе. Последний – для нас.

...И не только для нас.

– Что ты задумал, брат Диомед? Что задумал, а? Зачем? Почему? За что? Они нам враги, да? Они нам кровники, да? Собаку нашу убили, да? Сестру убили, да? Маму убили, да? Люди хорошие, город хороший, девушки хорошие. За что, брат Диомед?

– Это мой приказ, Фоас, басилей калидонский!

– Я, Диомед, сын Тидея, ванакт Аргоса, Арголиды и всей Ахайи, повелитель Тиринфа, Трезен, Лерны, Гермियोны, Азины, Эйона, Эпидавра, Масеты, Эгины Апийской и Калидона, волю свою изъявляю: город Хаттусу, столицу врага моего, Суппилиумаса, ванакта хеттийского, огнем сжечь и до основания разрушить. И пусть уверятся все, что буду я вести войну без жалости, без пощады, покуда Царство Хеттийское вконец не сокрушу, как ныне сокрушаю я город Хаттусу. Пленных же, что оружие добровольно сдали, на волю отпускаю, жителям же города Хаттусы велю из города уходить с добром, какое кто унести сможет, время же на то даю до полуночи. И с тем пусть увидят гнев мой все земли окрестные и земли дальние, и да смилостивятся боги страны этой над народом своим...

Не смотреть в глаза... Не смотреть... В небо смотреть, туда, где Пес, Дурная Собака Небес, встает над горизонтом.

Не в глаза. Не в глаза...

Эпод

Молчали.

Сумрачные куреты, растерянные аргивяне. Даже кони не ржали, гривастые головы опустив, словно чувствуя, словно понимая... Темно вокруг, тихо.

Тьма.

Мы – тьма, и я – тьма.

Здесь тихо, крик там, вдали, где к черному небу, к острым холодным звездам рвутся рыжие языки огня. Горит Хаттуса, великий город, кричат люди, из узких ворот вырываясь, падая, друг друга топча.

Не все ушли. Да и как уйти? Велик город, огромен. А много ли времени до полуночи? Мало дал сроку беспощадный Дамед, Дамед-ванака, Дамед-давус...

Рядом сопит Фоас. Не по себе курету – молчит, слова не скажет. И Эвриалу, базилею трезенскому, не по себе, хоть и бодрится Смуглый, губы темные улыбкой кривит. Не было еще такого. Мы, эпигоны, не сжигали Фивы, носатый Агамемнон не тронул Аргос. И в мертвом молчании слышен вопрос, горький, безнадежный:

– За что, Тидид? Что они тебе сделали, Дурная Собака?

Я прикрыл глаза, чтобы не видеть рыжее пламя, не видеть гибнущий город, гибнущих людей... Я-прежний, сирота с Глубокой улицы, никогда бы не подумал о таком. Но я не прежний. Я – другой.

Не-я!

И этот другой, этот не-я, видит то, что недоступно прочим, что встает черной тенью над гибнущей столицей. Сполох! Гром и молния над Азией, над землей Светлых Асов. От моря Лилового до моря Мрака, от урартийских гор до границ Кеми.

Сполох!

Нет больше Царства Хеттийского, погибло логовище Золотых Львиц, и все враги, до этого опасливо жавшиеся к морскому побережью, к горным склонам, уже препоясывают чресла, уже сжимают в руках мечи и секиры. Фракийцы, усатые шардана, туска, урарты, каска... И рухнут они на замершую в ужасе Азию, и растекутся потоком.

...А с запада, из Европы, из тьмы Эреба, помчатся пентеконтеры с воинством носатого Агамемнона. Помчатся, ткнутся носами в азийскую землю. На юге, у Милаванды, которую мы заняли еще зимой, на севере, в Пергаме Мисийском, где ждет брата белокурый Менелай. Тьма, вышедшая из Эреба, падет на Азию.

Мы – тьма. И я – тьма.

Вот оно, твое Великое Царство, сын Атрея!

Твое ли? Увидим! Еще увидим, носатый!

Я открыл глаза – и рыжий огонь плеснул мне в лицо. Хоть и далеко, но почудилось, будто пламя лизнуло губы, затрещало в волосах...

Молчали куреты, и аргивяне молчали, но вот кто-то снял шлем, поднял вверх руку.

– Хайре!

И тут же слитным хором, сквозь хрипящее горло:

– Хайре! Хайре! Хайре!

Как на похоронах, когда пламя рвется над погребальным костром. Как в Элевсине, когда мы хоронили папу...

Хайре, великая Хаттуса!

Я вновь поглядел вверх, туда, где прятали свои глаза испуганные звезды, – и губы дернулись нежданной усмешкой. Не ожидал, Дед? И ТЫ, Дядя? И ТЫ, Мама? И вся ВАША Семья-Семейка? Не ожидали? Бараны не пошли на Гекатомбу, бараны оказались волками, и горе

теперь ВАМ! Я, Диомед, сын Тидея, я, Дурная Собака, выжгу все ваши Грибницы, вырву с корнем, и ВАМ, жаждущим нашей крови, не будет ходу в Восточный Номос. Прав Паламед Эвбеец, прав!

ОНИ не всеильны! ВЫ – не всеильны! Так веди же меня, Звездный Пес, Дурная Собака Небес, моя звезда!

Веди!

Призрак Великой Державы вставал над гибнущим городом, над Восточным Номосом, над землей Светлых Асов.

Над миром.

Песнь вторая Великое царство

Строфа-I

Пророка ловили всем базаром.

Смуглые щекастые сирийцы, бледнокожие ассурцы, пышнобородые купцы из Баб-Или, худые бритые кемийцы, юркие, пронырливые финикияне, ахейцы, туски, шардана... На дюжине наречий, хрипло, картаво, протяжно, звонко, с присвистом, с придыханием:

– Хвата-а-а-а-ай! Держи-и-и-и-и!

Я уже не удивлялся – привык. И к тому, что на каждом базаре – свой пророк, и к тому, что тут, на славном Востоке, их отчего-то недолюбливают.

– Держи-и-и-и-и! Вяжи-и-и-и-и-и!

Толпа колыхалась, бурлила, сшибая белые торговые палатки, топча босыми ногами разбросанный по земле товар. Ржали перепуганные кони, ослиный рев рвался к небесам.

– Вяжи-и-и-и-и! Не уйде-е-е-е-ешь!

Я покосился на Капанида. Тот пожал плечами, почесал свой нос-репку. И он привык! Вечно здесь кого-нибудь ловят, а ежели не ловят – просто орут. А если не орут – болтать начинают. Последнее, пожалуй, хуже всего.

Азия!

А ведь тут, в славном городе Аласии, где на высокой скале воздвиг свои палаты богоравный Амфилох Амфиараид, базилей Кипра («– Ну ты прямо орел, Щербатый! – Сам ты орел!»), все-таки почти половина народу – ахейцы. Потиху здесь. А уж как попадешь в Библ или Беруту...

– Хва-а-а-ата-а-а-ай!!!

Колыхнулось людское море штормом осенним. Замерло.

– Поймали, видать! – вздохнул добряк Капанид. – Как бы не убили беднягу!

Это он, положим, зря. Здешним Тиресиям и Калахантам за жизнь беспокоиться не стоит. Ну, дадут по шее, ну, водой отольют...

– Поглядим, Тидид?

А отчего ж не поглядеть? Спешить некуда, тем более богоравный Амфилох тоже не торопится нас встретить, хоть я и гонца послал, и еще одного – для верности. Загордился Щербатый – ладно. А ежели, не попусти Асклепий, захворал? В прошлую встречу совсем кислый он был, базилей кипрский.

Век бы нам через толпу не протолкнуться, если б не гетайры. Не мои – Сфенеловы. Куреты, что ни говори, народ вежливый, а Капанид своих в Келесирии Горной набрал (поздешнему – в стране Амка). Эти чуть что – кулаком. И хорошо, если только кулаком! Вот и сейчас: сомкнули плечи кольчужные, построились «вепрем», кулачищи выставили... А над толпой, над белыми повязками, над бритыми головами, над шерстяными колпаками, над шапками меховыми:

– Горе вам! Горе! Горе-е!

И вновь мы со Сфенелом переглянулись. Где горе-то? В Аласии, хвала богам, ни мора, ни глада, ни беспутства народного, Щербатого едва ли не на руках носят, чуть ли не за Миноса почитают.

– Горе! Ибо пришли дни последние, и станут они первых хуже, ежели не покаетесь вы, аласийцы, народ жестоковыйный!..

Никак пророк голосит? Точно!

Расступилась-разлетелась толпа, плечами да кулаками гетайров образумленная, прошли мы по улочке меж накидок и хитонов. Прошли – на площадь вступили. Невелика площадь, как раз на одного пророка. Лежит, бедолага, в хламиде рваной, на локоть оперся, глазами безумными вращает, бороду черную топорщит:

– Отцов ваших казнили плетью, вас же будут казнить «скорпионами»¹⁹, и не найдете вы пощады, когда небо обрушится и станет земля водой, и побежите вы от гнева, но утонут стопы ваши в болоте...

Вот за это пророков здесь и не любят. Пришел народ торговый, товарец разложил, пивка ячменного хлебнул, барыш предвкушая. А тут тебе такое...

– Был я таким же грешником, как и вы, аласийцы, и не думал я о закате, когда наступал час восхода, и не склонял головы пред Господом, и кадил ладан перед богами каменными и золотыми...

Впрочем, на этот раз базар весьма благодушен. Перед тем как связать да водой отлить, дали высказаться крикуну.

– Но воззвал ко мне Ахве, Господь Единый, Бог Истинный, и наполнил меня светом, и пробудил ото сна, и послал к вам, аласийцы, народ жестоковыйный, дабы покаяться вы, и узрели истину, и вкусили хлеба небесного... Кайтесь! Кайтесь!

Вскочил пророк, бороду вперед выставил, грудью на толпу пошел. Не выдержал народ – назад подался. Уж больно громко кричал бедняга, уж больно убедительно.

– Где Хаттуса, Логовище Львиц, где князья ее, где обитатели ее? Разлетелись, как саранча под ветром, как мошकारа перед пламенем! Привел на них Господь Единый народ из-за моря, народ страшный, пощады не ведающий. Колчан его – как отверстый гроб, все они – люди сильные! Ведет их Дамед, владыка жестокий, пощады не дарующий. Сокрушил он Царство Хеттийское, и в землю Киццувадна пятой вступил, и в страну Мукиш, и в страну Амка, и в землю финикийцев. Тяжко его бремя, из железа халибского рука его, и под ногами его – кровь!..

– Да чего это он? – обиженно засопел Капанид. – Какая кровь, Тидид? Они ж сами сдаются!

Пожал я плечами. Чего с пророка взять?

– Где Библ, где Берута, где Сидон, где Ашход? Покорил их Дамед, ступил пятой на выю, и стены их сокрушил, и владык их увел!

Тут уж я не выдержал – усмехнулся. Вот это точно! А неплохо все-таки, и трех лет не прошло, как мы в Пергаме Мисийском высадились! И вот уже и Сирия наша, и Финикия...

– Или жители Хаттусы были грешнее вашего? Нет, но сгинули они! И вы погибнете, аласийцы, если не отринете богов своих и не вознесете хвалу Богу Единому Ахве!..

– Да сколько можно? – вновь не вытерпел простая душа Капанид. – Ахве и Ахве, в ушах уже звенит... Пошли отсюда!

Меня и самого порою корбило. Для нас, Сияющих, Единый был высшей тайной, недоступной, тревожащей душу. А тут об Ахве-Едином по базарам орут.

Дядю Эвмела бы спросить. А еще лучше – Чужедушца...

– Пошли, – согласился я. – Ну его, в самом...

Не договорил. Не успел. Крутнулся пророк на месте, полами хламиды своей рваной в воздухе махнул.

– А ты, Дамед, владыка жестокий, до неба вознесшийся!..

Узнал! Нахмурились гетайры, рядом встали. А пророк уже тут, руку грязную вперед тычет, глазами безумными светит.

¹⁹ «Скорпион» – палка с шипами, использовалась погонщиками скота.

– ...до ада низвергнешься, ежели не выслушаешь слово, что было мне от Ахве-Господа! Ибо мнишь ты себя сильным, но ты лишь песок под ногами Его, лишь пыль в устах Его, хрупок ты, как слюда, перед Его страшной яростью!..

Придержал я за плечо ближайшего гетайра, уже за меч схватившегося. Наслушался я пророков за эти годы (на каждом базаре – по пророку!), но вот меня они пока стороной обходили. Интересно даже стало.

– Слушай, Дамед, владыка жестокий! Сокрушил ты хеттийцев, и сирийцев сокрушил, и многие племена покори, ибо дал тебе силы Единый. Ты – лишь рука Его, ты лишь промысел Его, ибо настали дни последние для земли нашей, и меняется уже мир, и войдет в этот мир Господь Единый Ахве в славе своей. А посему, Дамед, владыка жестокий, велю тебе идти в землю Ездралеон²⁰ к Гилгалу-камню, и жертву там принести, и воззвать к Господу. И узнаешь ты Его волю, и той воле ты, Дамед, владыка жестокий, покорен будь, и тогда помилует тебя Ахве, Бог Единый. А до этого не смей воевать с царем Кеми, и войска свои останови, и коней стреножь, и паруса корабельные сверни, и меч вложи в ножны!..

Страшно глядели безумные глаза, дрожали пальцы, к моей груди протянутые, пеной застыла слюна на губах...

– А откуда он про Кеми узнать мог? – подивился Капанид, когда мы из толпы выбирались. – Мы же только вчера об этом говорили!

И вновь оставалось плечами пожать. То ли земля слухом полнится, то ли соглядатай непростеный пособил, то ли... То ли – что? Земля Ездралеон, Гилгал-камень...

Можно ли верить безумцу?

* * *

В покоях Амфилоха – тишь и покой. Царство сонное, беспробудное. Клюют носом стражники, слуги черепахами морскими ползают. Ни голоса громкого, ни звона медного, ни топота гулко. Царствует Амфилох Амфиараид, на боку лежа.

Это на первый взгляд, само собой.

Всегда знал, что Щербатый будет отличным правителем. Получше моего – уж точно. И вот пожалуйста! Меня, Дамеда-ванаку, прямо в лицо «жестоким» величают, а Щербатому, когда он изволит из палат в город выбраться, цветами дорожку устилают. А все почему?

– Басилей у себя?

– Да, ванака Дамед. Просил извинить. Просил пожаловать.

А все потому, что править надо лицом к югу – как дед Адраст делал. Возложи бремя неподъемное на плечи чужие и сиди, поглядывай, не суетись. И покойно, и безопасно. Если обидят кого слуги твои ретивые, с них и спрос, им и ответ держать. А ты сидишь себе, добрый, безгрешный, – только глазом полуоткрытым по сторонам поглядываешь. Про юг этот и я знал (и даже пытался деду подражать, ха-ха!), но одно дело знать, совсем другое – уметь.

– Письма из Аргоса были?

– Были, ванака Дамед. Позавчера корабль критский пришел. Басилею Амфилоху письмо, и тебе письмо, и басилею Сфенелу письмо...

Сообразил Щербатый, что делать надо! Сразу понял, как только его пентеконтеры к берегам кипрским пристали. Первым делом со жрецами здешними дружбу свел. Еще бы! Помнят тут его отца, Амфиарая Вещего, крепко помнят, в храмах поминают, на алтарях жертвы приносят. А во-вторых, договорился Щербатый с хитрым старичком по имени Исин-Мардук...

– Ванака Дамед! Погоди, ванака...

²⁰ Ездралеон – Палестина.

Что такое? Давно ли меня перестали в покои Амфилоха пускать? Хотел уже рыкнуть на стражника-обалдуя, да поглядел на него внимательнее...

– Что случилось?

Случилось! Не в себе парень, губы кусает, глаза отводит. Шепчет...

– Ванака! Ванака Дамед! Плохо бацилею Амфилоху. Совсем плохо. Знахарей звали – не пускает. Лекарей звали – не пускает. Заперся один, не открывает...

Что-о-о?!

Пока соображал, пока глазами моргал, богоравный Сфенел уже двери вышиб.

Таран – не человек!

– Ребята...

Черная глухая ткань на окнах, черные глухие тени по углам. Догорает светильник, умирает, фитилем черным чадит.

– Оставьте меня, ребята! Оставьте!

Черным кулем лежал на полу богоравный Амфилох Амфиараид, бацилей кипрский. На лицо плащ накинута, руки-клешны в ковер вцепились.

– Оставьте!..

– Сейчас, – пообещал я. – Дуришь, богоравный?

– Сам ты, Тидид... богоравный. Не надо, оставьте!

Поднатужились мы с Капанидом, подвиг Гераклов совершили, подняли Амфилоха (ух, тяжелеющий он, мой родич!), на ложе пристроили, подголовник кемийский под затылок приладили.

– Бацилей Сфенел Капанид! – вздохнул я. – За лекарем, за знахарем, за колдуном, за ведьмой, за кем угодно – бего-о-о-ом!..

– Есть!

Протопали тяжелые эмбаты. Остались мы вдвоем с шурином, со Щербатым Амфилохом.

...Ну Аласия, ну городишко! Сперва – пророк на базаре, теперь – бацилей. Или здешнее безумие заразно, вроде чумы?

– Дуришь, богоравный? – повторил я. – Спятил, что ли?

– Да, Тидид, спятил...

И от такого ответа опустились руки, холод по спине пробежал. Ведь шутил я!.. А невидимая река, неотступная, неотвратимая, уже подступила, уже совсем рядом.

Плещет, плещет...

– Твой отец, Диомед, ты сам, Геракл, мой отец, брат... Теперь я...

Пустыми были глаза Щербатого, и Таргар чернел в них – безвидный, бездонный. И – седина на висках. А ведь Амфилох всего на восемь лет меня старше! Мне – двадцать три, ему только-только тридцать один стукнуло.

– Знаешь, когда мы с Алкмеоном были маленькие, то очень гордились, что наш отец – Вещий. Гордились – и все ждали, когда сами Вещими станем. Каждый сон запоминали, завидовали друг другу, старые свитки читали...

– Не надо, Амфилох, – попросил я. – Зачем об этом?

– Надо, – бессильно шевельнулись губы. – Мой брат... будь он проклят, мой брат! – сошел с ума. И тогда я понял, что это не дар – проклятие. И я надеялся, что мне... Зря надеялся, Диомед! Накрыло...

Сжал я кулаки, прикрыл на миг глаза. Будьте ВЫ прокляты, людоеды Олимпийские, поделившиеся с нами ВАШЕЙ кровью, иxorом, ненавистным серебром, несущим безумие и гибель. Будьте ВЫ!..

Плещет, плещет...

– Накрыло, Тидид! Я... Я вижу. Нет, не так...

Медленно вставал он, на кулаки бессильные опираясь, словно мертвец, колдуном-некромантом разбуженный. Да только не встал – обратно на ложе рухнул.

– Ты ведь Сияющий, Тидид? Плоской нам мнится земля, меднокованым...

– Номос и Космос – ответ, – вздохнул я. – Полно, очнись Амфилох!

– Второй Шаг, – дрогнули губы. – Да, конечно. Ты и дядя Эвмел... Слушай, Тидид! Титаномахия! Новая Титаномахия! Мы... Наш Номос... Мы все как тельхины с гелиадами... Эти, на Олимпе, не ведают, что творят! Нельзя! Надо что-то...

Страшно было смотреть на Амфилоха Амфиараида, моего родича. Пусто было в его глазах, и чужими казались жуткие слова. Словно кто-то другой, незнакомый, лежал передо мною.

...А я вновь пророка-безумца вспомнил. Другими словами говорил он, да все о том же. Небо обрушится, и станет земля водой...

– Ты о Гекатомбе? – не выдержал я. – О том, что ОНИ решили всех нас, своих детей...

Страшен был его смех. Черен.

– Ерунда! ОНИ – недоумки! Жадные, трусливые недоумки, Тидид! Возомнили себя хозяевами, не зная, не догадываясь. Крон... Он тоже пытался... Дурак!

Умолк Щербатый, глаза мертвые закрыл. И вновь почудилось мне, что над головой – холодный купол толоса, а передо мною – каменная лежанка...

– Эй, сюда! А ну, шевели ногами!

Хвала богам! Капанид! Привел воинство превеликое, перепуганное. Бороды набок, языки на плече, в руках – узелки с травами-зельями. А вот и отвар в чаше медной дымится...

Вздохнул я, головой покачал. Поможет ли? Бедного дядю Геракла тоже пытались травами отхаживать. А чего делать-то?

– Басилей Сфенел Капанид!

– Здесь!

– Оставаться тут! Лечить! Очнется – накормить. Поест – баб привести! И плясунов, и музыкантов. А не поможет – сам пляши, понял?

А на душе... Дий Подземный ведает, что на душе! Ужасно безумие, хуже чумы, хуже проказы!.. А если не безумие это? Если прав Щербатый? Если?..

Титаномахия... Крон... Желтое око над бездонным Котлом...

«Горе! Ибо пришли дни последние, и станут они первых хуже, ежели не покаетесь вы!..»

Одно хорошо – мне самому с ума уж точно не сойти. Во-первых, я и так Собака Дурная. А во-вторых, некогда. Это Амфилох-бедняга лежа на боку правит, лицом к югу сидит. Хоть и не мала Аласия, Кипр-Медный, но все же не так и велика. А Дамеду-ванаке, повелителю половины Востока, на боку лежать не с руки и на юг смотреть не с руки. Мечется Дамед-ванака челноком ткацким от Адании Киликийской до Ершалаима Филистимлянского. Хорошо хоть, часок отдохнуть можно – письма из дому почитать.

– Никого не пускать! Даже басилея Сфенела!

– Да, ванакт!

Ошибся геквет Амфилохов – не письмо мне прислали. Сундук целый привезли писем. А в сундуке том – таблички, свитки кожаные, папирусы...

Что там сверху?

«Богоравному ванакту Диомеду, сыну Тидея, от богоравной ванактисы Айгиалы, дочери Амфиараия...»

Ну, это успеется!

«Богоравному Диомеду, великому ванакту, повелителю Аргоса, от Стесихора, верховного жреца храма Дия Трехглазого, что на Лариссе...»

Тем более успеется! Небось опять станет серебра просить!

«От Промаха Партенопиды, басилея Тиринфа...»

Ага!

«Ванакт!

В Арголиде порядок. Нужное делается. Успеет. Эвмел Адрастида плох».

Не любит он многословия, Дылда Длинная. Прямо спартанец какой-то! Зато если пишет, что порядок, то можно спать спокойно. Не зря я его, Дылду, в Аргосе наместником назначил.

...Эх, дядя Эвмел! Сколько бы лет жизни я отдал, чтобы тебя проклятая хворь отпустила! Да как тут поможешь?

«От Эматииона, лавагета Аргоса...»

Ого! Не шутит Эматиион-лавагет, целых восемь табличек прислал! Ну, это успеется, вечером разберу. Где же?..

Вот!

«От Эвмела Адрастида...»

Дядя, дядя! Еще год назад сам писал, а теперь диктовать только может. Значки чужие, неизвестные...

«Ты молодец, мальчик! Но хвалу тебе петь не стану, у тебя там своих певунов хватает...»

Хватает, дядя, ох, хватает! Да только я их не слушаю, я же не Агамемнон какой-нибудь!

«...Ты просил написать, где стоит остановить войска. Я не вояка, Тидид (какой из калеки вояка?), да только кажется мне, что на Кеми идти рано. Да и надо ли? Помнишь, ты прислал мне рисунок медного Номоса из Хаттисы? Думаю, мастер не ошибся, ошибались мы с тобой. Не спеши, мальчик! Ведь мы до сих пор не знаем, куда пропал Агамемнон со всем войском, тут все думают, что он вместе с тобою, на Востоке...»

Дий Подземный!

Отложил табличку, вздохнул.

Ну и чушь выходит! Сгинул носатый, да не сам – со всеми прочими вместе. И Менелай исчез, нет его в Пергаме Мисийском. Пропало Великое Войско, словно в Гадес, в Бездну Вихрей, провалилось. Обшарили мои лазутчики (тихо, чтобы Панику-дочку не будить) всю Азию, на острова, что море Лиловое усеяли, заглянули, по Фракии Чубатой пробежались... Нет Агамемнона!

Вначале думал – испугался носатый. Махнул рукой на Царство Великое, на Диомеда Собаку рукой махнул, с Приамом мир заключил.

...Нырнули мои лазутчики в Скейские ворота, в Приамов дворец проползли. Ничего не знают в Крепкостенной Трое! Не знают, не ведают...

Значит?

«...У нас же все спокойно, словно и вправду Золотой Век на дворе. Да только не нравится мне этот покой, мальчик! Недавно по всей Ахайе стали возводить жертвенники Крону. У нас, в Аргосе, ЕМУ построили храм прямо возле главных ворот Лариссы. И никто не объяснит, почему. Болтают, конечно, всякое, даже говорят, что Семья помиловала Старых, и теперь Крон вместе с братьями уже не в Тартаре, а на Островах Блаженных. Не знаю, так ли это, но плохо, когда мертвецы возвращаются...»

...Желтый немигающий глаз над безвидной бездной, над бездонным черным Котлом. Зачем ты вернулся, Крон-мертвец?

«...И еще раз повторяю, мальчик. Мы все родичи, мы все – твои друзья. Но друзья бывают у Диомеда Тидиды, а не у ванакта Аргоса и не у завоевателя Азии. Никогда не отпускай от себя Эвриала! Никогда!»

Я отложил табличку, понял, что ее придется перечитать еще раз (а то и три), осторожно прикрыл крышку сундука.

Помню, дядя! Поэтому, когда я шел на Хаттусу, со мною был Смуглый, а не Капанид. Поэтому он и сейчас рядом, здесь, в Аласии, поэтому я никогда не дам ему войско, даже самое маленькое.

А я беру с собой не друга, ванакт ты недоверенный! Я беру с собой Эвриала, трезенского басиля. Понял?

Ничего-то ты не понял, Капанид, побратим мой репконосый! И не понимай пока...

Я покосился на сундук, понял, что все восемь Эматионовых табличек надо прочесть не вечером, а сейчас, потому что лавагет пишет о войске, а это теперь – самое главное, война не ждет.

Что такое? Я же велел никого не...

Ясно!

Пока Дамед-ванака изволил глаза портить, значки финикийские разбирать, его гетайры в очередной раз расстарались. То-то Мانتос раньше меня в город убежал, ванакта своего Капанидовой страже доверил!

...Высокая, смуглая, полногрудая, в легком, дунь – улетит, покрывале, на широких бедрах – золотой пояс, в темных глазах – ужас. Красивая? Пожалуй...

Да только не по себе красивой. Точно попала она в клетку со львом. Сидит в той клетке страшный ванака Дамед, зубы оскалил...

Шагнула ближе, попыталась улыбнуться.

Удивляется Мانتос, старшой гетайр, обижается даже. Каких только красавиц Диомеду-родичу не приводят, ни одна не задерживается. Словно съедает их страшный Дамед-ванака, глотает с хрустом...

Руку к плечу поднесла, где покрывало заколкой серебряной скреплено. И – ни слова. Все объяснил этой смуглой Мантос: при ванакте – молчать, терпеть, шуток не шутить, не петь, не плясать...

Поглядел я вновь на сундук, потом на смуглую, вздохнул. И ведь не прогонишь, обидятся родичи чернородые!

Поманил пальцем...

Да, страшно красивой! Хотя и натерлась благовониями, а все равно острым потом дышит. Ни с чем не спутать этот запах – запах страха. А ведь не ко льву попала – к чурбану бесчувственному. На одно лицо для Дамеда-чурбана все женщины, как бы ни старался дружище Мантос, кого бы ни приводил.

Ты ушла от меня, Светлая! Навсегда! И ничего уже не сделать...

Кивнул я на сундук. Поняла смуглая, заторопилась, дрожащими пальцами застежку-фибулу расстегнула, наклонилась, локтями о сундук оперлась. Замерла.

Содрал я с плеч хитон, грудь ее смуглую в горсти сжал, сосок холодный пальцами сдавил. Дернулась, смолчала.

...Навалился.

Задвигалась – покорно, привычно. Закрыла глаза, губу закусила. Знает: не хочу ее слышать. Не любит Дамед-ванака женского голоса – не застонешь, не закричишь ни от боли, ни от страсти. Молчание он любит, чурбан бесчувственный, покорность любит, страх, острый запах холодного пота.

Собака я! И любовь у меня собачья!

– Плохо ему, Тидид! В себя пришел, но не говорит почти, даже глаз не открывает, только воду пьет. Один колдун, лысый такой, страшный, хотел сплясать, чтобы, значит, даймона из Щербатого выгнать, так я этого чудилу шуганул вместе с его бубном. Сейчас там Эвриал, а вечером я подбегу. Вот бедняга Амфилох! Да, он еще сказал, что, мол, когда «телепина» гонять станем, его бы хоть с ложем вместе тащили, поглядеть хочет. Так что оклемается, думаю, раз про «телепина» вспомнил. А я к этим побегу, в шкурах которые... Да помню, помню, Тидид, обещать ничего не буду и рассказывать не буду, песни буду петь. Если бы еще не пиво это поганое! Ну почему в этой Азии так пиво любят?

* * *

Нет дома у Дамеда-ванаки. Азия, земля Светлых Асов, его дом. Ночует Дамед-ванака где придется, куда Собачья Звезда приведет, благо плащ-хлена всегда с собой: завернулся, упал рядом с друзьями-гетайрами – и к Морфею в плен. Дворец, крепостная стена, чистое поле, горный склон – какая разница?

Дома нет. А вот Палата Свитков есть.

И этому научил меня дед, Адраст Злосчастный. Ванакт, настоящий, а не тот, который в сказках, он вроде паука. А паутина хоть и затейлива, хоть и беспорядочной кажется, а все равно в одной точке увязана. Мала эта точка, но без нее все рассыпется, распадется серебристыми прядями...

Когда мы с Эвриалом на Кипре-Медном высадились, хотел Амфилох мне целый дворец подарить. Да только к чему мне дворец? Одной башни достаточно, только бы башня эта неприступной была да подальше от глаз чужих, ненужных стояла. Нашлась такая. Громоздится башня на горе, что над Аласией-столицей нависла. А в той башне – Палата Свитков.

Паучье гнездо.

– Докладывай!

– Да, ванакт! – Щелкнул сандалиями Курос, дамагт верховный, плечи узкие распрямил, глазенками нахальными сверкнул...

Сколько раз я этой губастой хотел уши надрать! Вроде бы все по наряду воинскому, не подкопаешься. А все равно уши драть надо! Глумится над владыкой своим Цулияс, дочь Шар-рума, жреца Света-Сиусумми. Каблуками щелкает, дурака валяет...

Ох и норовистая девчонка мой верховный дамагт! Первое время подкатывались к ней рукастые гетайры («Э-э, брат Курос! Говорят, мальчик ты, брат Курос? А мы мальчиков любим, брат Курос!»). Да только как подкатывались – так и откатывались. Крепко по рукам лупил губастый гетайр! А как Курос-толмач из гетайров верховным дамагатом стал, так все языки и прикусили. Потому как нахмурится Курос-дамагт, слугам своим, головорезам, мигнет...

Пора, пора уши драть! Хоть и жалко. Хорошо служит девчонка, без нее осиротеет паучье гнездо, пустой станет Палата Свитков. Письма-таблички – ее забота, и гонцы тайные – ее забота, и много чего еще тоже на ее плечах худых.

А вот без толмача я уже и обойтись могу. Кое-что из наречий чужих за эти годы запомнилось, а кое-что само собой понимается – рыбками под тонким льдом. Вначале удивлялся, потом привык...

– Когда тебе настроение испортить, ванакт? Сразу – или потом?

Ах ты!

– В городе Халеп освятили храм Дамеда-бога. Я приказал назвать его храмом Удачи Дамеда-ванаки...

Да-а-а...

И ничего сделать нельзя. Строят храмы Дамеду-богу, Дамеду-давусу, курят ладан на алтарях, режут безвинных баранов. Только и осталось – имена менять. Не Дамеду-богу, а Победам Дамеда, Милости Дамеда, Мощи Дамеда. Или Удачи.

Знал, с чего начинать, нахал Курос!

Усмехнулась мне Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Видать, довольна осталась. Попортила кровь Дамеду-ванаке!

Приходила мне порою мыслишка: нагнуть моего верховного дамата прямо над бронзовым столом, который я из Хаттусы вместе с Номосом медным вывез. Нагнуть, закинуть хитон на голову... Один раз попытался. Рассмеялся Курос-нахал: «Ванакт Диомед полюбил мальчиков? Как басилей Сфенел?»

Плюнул я, заставил наглого дамата двадцать раз отжаться, чтобы гадости про Капанида не повторял. (Не мальчиков, а одного мальчика. И не полюбил – подружился!) Тем все и кончилось.

– Ливия, ванакт. Басилей Шабак согласен начать войну с Кеми...

Ага!

– Наши лазутчики сообщают, что Шабак хочет сам стать ванактом Кеми. Он пишет, что не прочь с тобою встретиться, но сам приехать не сможет, в гости зовет. Думаю, верить ему нельзя. Пять лет назад он убил собственного брата, чтобы занять престол...

Кивнул я, соглашаясь. Верить нельзя никому (тем более какой-то Шабак!), а вот попробовать надо. Удалось же когда-то гиксосам! Если ливийцы ударят вовремя, когда мои войска подойдут к Газе...

– Хеттийцы?

– Все там же, ванакт. Две недели назад Суппилиумас разбил басилея Лидии.

– Ясно...

То есть не совсем ясно, конечно. Суппилиумас Тиллусий с остатками войска все там же, в горной Ассуве. Когда взметнулось рыжее пламя над Хаттусой, когда девкалионовым потоком обрушились на Царство Хеттийское его враги, когда фракийцы, шардана, туски, каска, урартийцы разнесли в клочья хеттийские войска на юге и востоке, когда в битве с каска погиб наследник Великого Солнца, никто не думал, не верил, что Суппилиумас устоит.

Устоял ванакт хеттийский! Сберег свое войско, своих Сыновей Солнца, спрятал среди гор Ассувы. И теперь шаг за шагом отвоевывает потерянное царство. И ничего не сделать, не помешать. Мои войска далеко, на юге, а Агамемнон...

– Лазутчики вернулись от каска. Там ничего не слыхали про войско Агамемнона. В море Мрака его корабли не заходили.

– Ясно.

Ясно, что Агамемнон пропал. Сгинул носатый со всем воинством своим превеликим! Рухнул наш план, не править Атриду в Азии, не быть Великому Царству Пелопидов. Кипр я удержу, и Сирию удержу, и Финикию, но хеттийцы отпали, и Суппилиумас скоро вновь вернется в разоренную Хаттусу.

Не иначе заманили хеттийцы Атрида в ловушку, куда-нибудь в горное ущелье, закидали камнями, забросали стрелами, а потом темной ночью сожгли беззащитные корабли...

Тихо погиб Агамемнон, незадачливый сын Атрея Великого. Найдут через век желтые кости и позеленевшие доспехи.

Хайре, носатый! Хайре, белокурый! Глупо все вышло...

– Вожди фракийцев и шардана вчера приплыли в Аласию. Будут требовать похода на Кеми.

– Ясно!

А вот это действительно ясно. Ненасытны мои союзнички! Мало им Киликии, мало земли Мукиш, Саянны, Ямхада, Финикии. Саранчой идут по Азии, строят глинобитные крепости,

занимают города, устраиваются, как дома. Но мало, мало! И вот уже покрылось море кораблями-камаррами²¹, и бородатые вожди, даже не переварив проглоченного, косятся на Кеми, на Черную Землю. Потому и поспешили сюда, в Аласию, – меня звать-уговаривать (их-то Капанид сейчас песнями и тешит). Веди, мол, нас, Дамед-ванака, Дамед-бог, на Кеми веди, хотим зачерпнуть шлемом желтую воду реки Итеру – великого Нила...

А ведь заманчиво! На двух столпах стояла Азия: Царство Хеттийское и Кеми, Черная Земля. Подрубил Дамед-ванака хеттийский столп, почему бы не занести секиру над Кеми?

...Если бы не медный Номос! Вот он, трофей из Хаттусы, посреди стола. Неспроста он тут, не зря. Медный Номос, маленькая медная Азия, где есть все, нет только...

И дядя предупреждает. И у самого – рак морской на сердце.

– Было еще полсотни писем, ванакт, о всякой ерунде. Жрецы пишут, городские старшины, торговцы. Я сам ответил, но еще не отсылал. Показать?

Улыбнулся наглец Курос, прямо в лицо мне, владыке своему, усмехнулся. Знает дамат верховный, наглая девчонка Цулияс, дочь Шаррума, что нет времени у Дамеда-ванаки все горы табличек ворошить. Так и управляется царство – вроде бы само собой.

...Само собой, как же! Однако верно решает Курос-дамат, правильные письма во все концы земли посылает. И мзды не берет, чуть что – кулачишкой в нос. Проверено!

– И еще, ванакт. Исин-Мардук, представитель Дома Мурашу...

– Малоизвестный Исин-Мардук велел осведомиться: не соблаговолит ли досточтимый ванакт Диомед Тидид посетить малоизвестного в его уединении? – хмыкнул я.

– В его печальном уединении, – без улыбки поправил меня Курос.

От таких приглашений не отказываются. Всемогущему Дамеду-ванаке, повелителю половины Азии, опасно сердить маленького колченогого старикашку, красящего завитую бороду сирийской хной и не любящего мяса.

– Разговор пойдет, вероятно, о торговых правах Дома Мурашу в Сирии и Финикии. Недавно у Исин-Мардука гостил один купец из Библа, наш лазутчик подслушал кое-что интересное... Вот свиток, ванакт.

А молодец-таки Курос! Вначале кое-кто хмыкал, плечами пожимал. Девчонка-толмач еще ладно, но чтобы верховным даматом? Теперь уже не хмыкают – сообразили. Одно непонятно, зачем это ей? Ведь не рабыня уже, не пленница. Предложил я как-то своему дамату верховному корабль добром нагрузить да домой отправиться. Сжал губы Курос – отказался. Сжег ты, сказал, Диомед-ванакт, мой город, и дом мой сжег, некуда мне возвращаться. А раз ты мой дом сжег, в твоём, ванакт, поживу.

И что тут ответишь, когда у самого рыжий огонь перед глазами? Посочувствуешь? Не поверит девчонка, умна! Три года назад, когда заревело пламя над Логовищем Львиц, у самого сердце ныло. Теперь – не ноет.

Привык!

Привык – и понял: нельзя иначе. Нельзя! Не ошибся я тогда, угадал. Не милостью, не добром рождается держава. Несет ветром черный пепел Хаттусы, над всей Азией несет, над всей землей. Поздно жалеть, да и ни к чему. Страшно строится Царство Великое – на руинах, на трупах. Мое царство!

МОЕ!

«А ты, Дамед, владыка жестокий, до неба вознесишься!..»

Кстати!

– Верховный дамат Курос! В земле Ездраleon есть камень под названием Гилгал. Узнать все о нем – и доложить...

²¹ Камарра – низкобортный гребной корабль для прибрежного плавания.

– Я слышал об этом камне, ванакт. Он находится неподалеку от города Бетиля. Гилгал, собственно, не камень, а жертвенник одного пастушеского племени. Эти пастухи считают, что Гилгал построен на месте, на которое когда-то ступил их бог. Они зовут своего бога Ахве-Единый...

Ну, молодец, губастая! Молодец, хозяйка паучьего гнезда!

«...до ада низвергнешься!»

Антистрофа-I

Вторая линия готова, я, как обычно, в центре... Первая... Эх, жаль, Амфилох плох! Плох, плох Амфилох, Капанида на его место, он ведь у нас таран. Смуглого в «крепость» – и пусть не морщится базилей-винолей, бегают он так себе, зато прыгать горазд... А народу-то сколько, считай, вся Аласия собралась! И то, не каждый день Аргос Неприступный против Куретии Заречной бой ведет! А кто у моих родичей в первой линии? Фремонид? Ой-ей-ей, он не таран, он два тарана, даром что с одним глазом!

Готовы? Готовы! Ну!!!

...Телепин, сын Тару-Грома, из героев был герой. Побеждал врагов без счету – и опять стремился в бой. Как-то с Цигу-великаном меч скрестил отважный дух. Завязался бой кровавый на границе царствий двух. Дрались долго исполины, говорят, что целый век. Победил герой злодея – вражью голову отсек...

– Телепин! Те-ле-пин! Те-ле-пин!!! Аргос! Арго-о-ос! Кур-р-р-р-р-р!

Ах ты, Мантос-злодей! Ванакта, богоравного родича, – и по ногам! Ну, я тебя! Где «голова»? «Голова»! Вечно я на ноги смотрю, а надо на... Ой, Фремонид! Да как же вы, парни, проморгали? Он же... Он же!.. Фу ты, ну молодец Смуглый! Взял! Один на один – взял! Взял!!!

...А вот и те самые, в шкурах, как сказал Капанид. Ну, шкур, положим, и нет, а вот все остальное... Фракийцы чубатые, усачи-шардана, туски ушастые. И дарданы пожаловали! Скучно им, видать, под Троей, жребий кинули, кому выпал – те сюда пришли, чуть ли не с братом самого Энея во главе...

Вот так, парни! Я тоже по ногам лупить умею! Вперед, Капанид, вперед, недовенчанный! Жми!!!

...Голова упала точно, где граничный камень спал. Поглядели хлебобеды, страх на них тотчас напал. Больно жуток Цигу мертвый, голова – что твой котел. «Пусть соседям достается!» – каждый речи тут повел. Быстро войска набежали – ну башку к соседям гнать. А соседи не сдаются – и башку скорее вспять...

– Аргос! Арго-о-о-ос! Те-ле-пин! Сфене-е-е-ел! Ка-пани-и-и-ид!!! А-а-а-а-ах!!!

Точно, что «а-а-ах!». Срезали беднягу, все Мантос-злодей, хорошо, что хоть Фоаса нет, под Аскалоном Фоас, тот вообще – дракон кадмейский... Не-а, не пушу! И «голову» не отдам! И я влево... И я вправо! Раз! Ай! Вот больно-то! Капанид, держи! Жми-и!

...А подступят эти самые, в шкурах, про Кеми – молчать. Аскалон! Пусть туда идут! Молчать, но намекнуть. Аскалон, он рядом с Газой, а это уже Кеми... Ливия... А ведь придется сплавать к этому Шабаку. Ну и имечко какое! Шабак!

А шардана обещали свое «войско» выставить. Им «телепин» тоже по душе. Ну чего, и шардана раскатаем!

Ну что же ты, Капани-и-ид! Вперед!!!

...А поскольку страшно люду, бьет их дрожь, вот-вот помрут, то руками не хватают, только ноги в ход идут. Вот одни бегут к воротам, чтоб соседям дар вернуть. Закатили им подарок – и бегом в обратный путь. Только те башку достали, снова катят страшный дар... Телепин стонал от смеха, гоготал и хохотал...

– Кур-р-р-р-р-р-р-р! Фремонид, да-а-а-а-ва-а-а-ай! А-а-а-а-й-й-й-й-й-й!.. Аргос! Аргос! Те-ле-пин!

То-то! Скисли, куреты? Всего-то вас и хватает на пару штурмов. Теперь «голову» возле границы поводим, подождем, пока братцы-аргивяне сбегутся... А вот и не отдам! Моя «голова»! Моя! Страшненькая такая, кожаная, с глазками, с зубками... Пора!

...Ничего бедняга Амфилох не помнит! А жалко, мне бы про эту самую Титаномахию побольше узнать. Эх ты, шурин мой Вещий! Ничего, мы тебя вылечим, мы тебе баб приве-

дем. А ведь интересно получилось! Никто из нас жен сюда так и не привез. Я-то ладно... А где Капанидов друг сладкий? Да вот он, подпрыгивает, глазки богоравному строит! Хоть бы постеснялся!

...Но кое-что Амфилох все-таки рассказал. Неужели правда? Соглядатаи у Щербатого хороши, каждый жрец на него старается, каждый знахарь сельский. Неужели все эти годы хеттийцы...

Все! Впере-е-е-ед! Арго-о-о-о-ос!

...Мы прапрадедов смелее, что нам Цигу-дуролом? Собираем быстро войско – и в атаку, напролом. Гоним «голову» без страха, бьем ногами от души. Ну, держитесь вы, соседи! Налетай! Луни! Круши! Не прорваться им к воротам, не увидеть наших спин. Наше войско всех сильнее! Ну-ка громче: «Те-ле-тин!!!»

– «Голова»! Аргос! Аргоо-о-о-о-ос! «Голова» в «крепости»! В ворота-а-ах! Сфене-е-е-ел! «Го-о-оло-о-о-о-ова-а-а-а»! «Го-о-о-о-о-о-о-ол!...»

То-то! Знай Аргос! Арго-о-о-о-ос!

...А если Амфилох прав и среди нас – хеттийский лазутчик, то плохи же мои дела!

* * *

– Серебро, серебро! Зачем только боги его сотворили? Почему-то в последнее время от несчастного Исин-Мардука все хотят только это. Никто не придет, чтобы сказать: «Уважаемый! У меня родился сын! Я зову тебя на обряд дарования имени!» Или: «Дорогой брат мой! Хочешь, я подарю тебе новый плащ?!» Изредка, когда по ночам мучает бессонница, горемычному Исин-Мардуку кажется: мы живем не только в зыбком, но и в весьма корыстном мире...

В этот день горемычный Исин-Мардук, всесильный представитель всесильного Дома Мурашу, был в ударе. Не говорил – пел. Глазки свои, щелочки, прищурил, улыбочку на губах пухлых сотворил...

На коврике (на нем и сидим, какие кресла? какие лежа?) – две мисочки глиняные с вареной полбой. Одна для него, другая – для меня. И кувшин с пивом ячменным. Скромен Исин-Мардук, ничего-то ему от жизни не нужно. Даже мяса, даже рыбы! Разве что...

– Может быть, несчастный Исин-Мардук, если отдаст в заклад своих жен, своих детей и внуков, своих друзей (ой, как мало их у горемычного Исин-Мардука!), все-таки наскребет горстку серебра для всемогущего ванакта Диомеда. Но пусть всемогущий ванакт Диомед не очень надеется, ведь у бедного Исин-Мардука мало серебра, мало друзей, но очень много врагов. И разве только у него? У всех нас, бескорыстных купцов из Баб-Или, которые возят товары исключительно себе в убыток и разоряются, ссужая серебро под ничтожную лихву, враги в каждом городе! Да-да, я о них, о проклятых купцах из Ассура, которые не имеют совести, зато имеют много нахальства и очень много злобы против беззащитного Исин-Мардука! Каждую ночь падает он на лицо свое и осыпает прахом старую седую голову, ибо нет Исин-Мардуку защиты, нет спасения!..

Крутят пальцы в золотых перстнях крашенную хной бороду, за колечки подергивают. Мало серебра у Дома Мурашу! Сколько ни гребут – все мало! И мое войско они, ничтожные-бескорыстные, уже третий год снабжают, и торгуют беспощинно во всех моих землях – а все мало! Теперь им нужна кровь – кровь таких же бескорыстных из Ассура, давних соперников, давних врагов. Из Кипра-Медного ассурцев уже выжили, и из Киликии выжили...

– Ничтожный Исин-Мардук даже подумать не может, чтобы доблестные воины ванакта Диомеда, которому так нужно серебро (ох, кому оно только не нужно?) будут резать несчастных ассурцев, которые так не любят мой родной Баб-Или, великий город Ста Ворот. Но ведь на войне всякое бывает, и великий ванакт знает это лучше, чем горемычный Исин-Мардук. Когда Яффа и Гезер откроют непобедимому ванакту Диомеду ворота (я об этом не сказал? Неужели

не сказал? Ох, старость, старость!), ванакт может (случайно! случайно!) на миг закрыть глаза, и эти страшные фракийцы, эти беспощадные живорезы-туски разве удержатся, чтобы не погрузить свои мечи в ненасытное брюхо какого-нибудь очень-очень плохого ростовщика из проклятого Ассура? Добрый Исин-Мардук будет очень плакать, узнав об этом (да! да! да!), очень горевать, но на все воля богов, а разве человек может спорить с богами?

Ячменное пиво кажется соленым, словно в него с избытком плеснули крови. Иногда мне очень хочется схватить этого несчастного за ухоженную бороду, встряхнуть... голову оторвать. Нельзя! Невидима держава Мурашу, нет у нее границ – и невозможного для нее тоже нет. Какому ванакту не нужно серебро? Какая крепость устоит против мешка золота?

Честный обмен. Как говорят в Тире, баш на баш. Его баш – открытые ворота городов, к которым подступает мое войско, серебро, на которое я это войско содержу. Мой баш – царская жизнь несчастных, бедных, горемычных торговцев из Баб-Или, безнаказанная, беспошлинная. И – кровь. Много крови!

Не лезет в горло пиво! Думал ли я три года назад, что стану поить кровью этого жирного паука?

Но разве я сам – не паук?

– Но глупому, ничего в государственных делах не понимающему Исин-Мардуку почему-то кажется, что мудрый ванакт Диомед (да продлят боги его дни!) говорит не о самом главном. Городом больше, городом меньше в его державе, какая разница? Уверен, что могучий Диомед-воитель победит и на этот раз, но... Но славный своим разумом ванакт, конечно же, понимает, что державу строят не только мечом. Ну, например... У ванакта Диомеда много союзников, без них он мало чего смог бы достичь. Все эти фракийцы, шардана, туски... А теперь еще и дарданы, кажется? Что они будут делать, когда кончится война? Вэй, да разве они перестанут грабить, убивать, насиловать? Разве война с ними вообще когда-нибудь прекратится?

Хитрые глазки уже не прятались за черепашьими веками – в упор смотрели. Так, наверное, смотрела прабабушка моя, Горгона Медуза. Персею легче было, он мог в щит свой глядеть, глаза отводить...

– Однако мудрый ванакт Диомед знает и другое – все эти варвары жадны и глупы. А глупые, увы, часто сердят богов. Сейчас жадные глупцы хотят покорить одну очень большую страну. Мне кажется, что великий ванакт не очень жаждет воевать с этой страной...

Я затаил дыхание. Кеми! Черная Земля!

– Так пусть не спешит великий ванакт воевать! Пусть идут сами! Сами! Если они победят – хорошо. А если нет... Если нет, то у славного ванакта Диомеда будет на нескольких буйных союзников меньше! Великий ванакт, конечно, посыплет голову пеплом, узнав, что его друзья не вернулись из этого глупого похода, но что поделать? Воля богов, с нею не поспоришь!

Закрылись глаза Медузы, вновь за веки набухшие спрятались. Сидит передо мною жалкий несчастный старичок, смешной старичок с крашеной бородой...

А как орали все эти туски-шардана, как чубами трясли, как усы топорщили! Веди нас, мол, Дамед-ванака, на Кеми, веди, не то сами пойдем... И ведь пойдут!

Неужели мудрость так омерзительна?

– Глупый и невежливый Исин-Мардук, кажется, утомил своего могущественного гостя. О горе, горе бедному Исин-Мардуку! Разве захочет великий, величайший ванакт Диомед, покоритель Азии, выслушать еще один глупый совет ничтожного вздорного купчишки? Очень глупый совет! Даже не совет, просто... Просто ничего не знающему Исин-Мардуку кажется, что ванакт Дамед слишком хорошо думает о людях. Увы, увы! Люди, к сожалению, даже хуже, чем мы оба можем себе вообразить. Разве понимают они доброту? Разве понимают они милосердие? Увы, люди понимают лишь железный посох, верят лишь в тяжесть ярма, которое лежит на их плечах. Города сдаются славному ванакту Дамеду, но что в душах этих людей? Верность? Любовь? Будь добрый и доверчивый Исин-Мардук моложе, он бы охотно поверил этому...

Дошло до меня, что и Аскалон (не сразу! не сразу!) тоже захочет открыть ворота непобедимому войску ванакта Диомеда. Но мало ли что захотят эти неразумные аскалонцы? Ворота! Кому нужны их ворота?..

Не спешит старичок, в миске с полбой вареной ковыряется. Прилипает полба к бороде, к смешным колечкам-завиткам прилипает...

Интересно, а если бы Персей с Медузой сговорился, кто бы сейчас миром правил?

* * *

Дорогой Миносов...

Невидимой дорогой по винноцветной волне Зеленого моря. Вечной дорогой, которой нет конца.

Черный борт «Калидона», белый парус с золотым ликом Гелиоса над головой, теплые брызги от пенящих морскую плоть весел... Почему я боялся моря? Почему страшился ступить на дощатую твердь палубы?

Впрочем, не так. Моря боялся кто-то другой, мальчишка с Глубокой улицы, когда-то бежавший от страшной гидры. Кто-то другой, не я! Не я, нынешний, избороздивший это море, Великую Зелень, неровную податливую твердь, от критских утесов до финикийских гор, от зеленых склонов Киликии до ливийских песков. Нет дома у Дамеда-ванаки, у Дамеда-бога, наступившего подошвой истертой эмбаты на выю гордой Азии.

Нет?

Я вдохнул горячий терпкий воздух, смахнул со щеки каплю соленой морской крови...

Есть!

Вот он, мой дом, привычный борт верного «Калидона», вот он, мой дом, – бескрайняя Великая Зелень! Здесь нечего бояться, здесь незачем спешить. Летит «Калидон», пенят весла послушную воду, а слева и справа – разно-цветные паруса критских пентеконтер, моих морских гетайров, не отстающих ни на шаг, ни на один взмах весла. Смеялся Идомей Критянин, загорелый дочерна моряк, когда мы распивали с ним бурдюк самосского на рейде Феста. Смеялся, по плечу хлопал: «Что, уже не боишься моря, Диомед-курет?»

Не боюсь! Здесь нет измены, здесь все честно, и даже если рухнет под тобой неверная морская твердь, даже если ударит в лицо волна...

Не в спину – в лицо!

...Лазутчики бедняги Амфилоха не зря едят свой хлеб с пивом. Видел я таблички, убедился. Отрастил Суппилиумас, ванакт хеттийский, глаза, все видит, обо всем знает!

Почему мне всегда казалось, что предают только чужие? Чужие точат бронзовые хеттийские кинжалы, чужие целят в печень аргивянского ванакта, чужие выдают его секреты врагу. Чужие – мерзкие человечешки в грязных хитонах с серебришком за поясом и золотыми перстнями на дрожащих от страха пальцах...

И не хочется думать, что предатели не они, предатели – лучшие друзья с веселой улыбкой на лице, надежные товарищи, крепко жмущие твою руку, искренние, верные...

Море честнее. Море не предает.

Лети, чернобокий «Калидон», раздувайся, белый парус с золотым ликом, пеньте, весла, морскую плоть! А впереди Ливия, пышущие жаром пески, но об этом не хочется вспоминать, хочется просто стоять у борта, вдыхать сквозь стиснутые зубы морскую соль...

Вечной дорогой, которой нет конца. Невидимой дорогой по винноцветной волне Зеленого моря.

Дорогой Миносов...

* * *

Иногда веришь людям с первого взгляда, с первого слова. Иногда присмотреться приходится (как к тому же малоизвестному Исин-Мардуку), подумать. А иногда сразу понимаешь – врет!

Все врет!

– О, благословенны будут боги, приведшие дорогого гостя под мой скромный кров! О, простелется морская вода драгоценным ковром, куда бы ни понес парус моего друга и брата ванакта Дамеда!..

Не понравился мне берег ливийский. И дворец, салом горелым пропахший, не понравился. И слуги, глаза прячущие, не понравились. А пуще всего не понравилась гора сальная – богоравный базилей ливийский Шабак бен Шабак.

– О, благословенна будь удача друга и брата моего, великого ванакта Дамеда, покорителя Азии...

Булькает гора сальная, пытит, чашу золотую к балкам потолочным черным тянет. Так тянет, так жилы на шее неохватной напрягает, что скорее помрешь, чем из его чаши выпьешь!

...А мы и не пьем. Еще на борту, как только показались на горизонте серые стены Бахариин Пустынной, нахмурился Мантос-старшой, покачал бородой черной. Не станем, сказал, Диомед-родич, вино ихнее пить, лучше уж крови их выпить! А пока свое вино возьмем, в свои чаши наливать станем...

А я и не спорил. А уж потом, как только Шабака-басиля узрел, как только он губами мокрыми моей щеки коснулся...

Бр-р-р-р!

– О, пошлют нам великие боги победу над супостатом нашим, Великим Домом Кеми Мернептахом Мериамоном, Владыкой Двух Царств, Носителем Двух Венцов! Да не будет ему ни жизни, ни здоровья, ни силы!²²

Врет! Все врет гора сальная – и когда в дружбе клянется, и когда ванакта Кеми прокликает.

Врет!

А вокруг, за столом, среди плошек, салом чадающих, все такие же толстые, глаза прячущие... И девчонка – тоже толстенькая, щекастенькая, в переднике золотом, в браслетах, в диадеме с камнями. Я бы и не заметил ее, богоравную царевну Уастис, сальной горы дочь единственную, – не до того! Но – вот притча! – все эти бурдюки, жиром залитые, на меня не смотрят (и Шабак-басиля не смотрит!), а девчонка взгляд не отводит. И такое что-то странное в ее глазах. Вроде бы ей меня... жалко?

– Да укрепят боги мышцу нашу, и вложат силу в десницу нашу, и даруют резвость коням нашим!..

Понял я уже – зря приехал. Все обещает мне Шабак-басиля, гора сальная, через каждое второе слово в верности-дружбе клянется...

Врет!

Покосился я на куретов – им тоже не по себе, чернобородым. Возле кресла моего фалангой сомкнулись, сгрудились. Вот-вот мечи выхватят... А горе сальной – хоть бы хны! А как у столов танцовщицы в бусах и браслетах забежали-задергались (тоже, поди, салом намазанные!), захрюкала от удовольствия гора, подмигивать мне стала, мол, выбирай, гость дорогой, богоравный, ту, на которой сала побольше!

²² К имени царя Египта (Великого Дома, фараона) требовалось обязательно добавлять «жизнь, здоровье и сила».

Хмурятся гетайры, на девок сальных даже не смотрят, я на всякий случай расстояние глазами меряю до ближайшей двери (прорубимся, ежели что, не впервой), богоравные да почтенные мужи ливийские гогочут, танцовщиц прямо на столы опрокидывают...

– Дамеда-бог! Дамеда бог великий!

– Ванакт! Тс-с-с-с!

Редко когда от моего Мانتоса «тс-с-с-с!» услышишь. Но это еще ладно, а кто меня «Дамедой» обозвал?

– Дамеда-бог! Дамеда-Осирис! Сет! Сет! Сет!

Поворачиваться не стал (ведь «тс-с-с-с!»), просто глаза скосил. Стоит между гетайров богоравная царевна Уастис, богоравной сальной горы дочь.

Понял Мانتос-курет, что нечисто дело. Понял – пропустил девчонку. Да вот только...

– Дамеда-Осирис! Сет! Иалу! Иалу! Сет!

Стоит, шепчет, смотрит... Ой и смотрит же, толстушка! Будто я уже на погребальном ложе.

– Сет! Дамеда-Осирис!

И нет ее! А богоравный Шабак бен Шабак уже новую чашу к потолку закопченному тянет. Ну вот, теперь уже и Осирисом обругали!

Не уехали все же – до утра остались. Обещала гора сальная назавтра всех вождей собрать – о походе на Кеми потолковать. После пира – какой разговор? Вот проблюются богоравные...

Низкий потолок, на стенах чудища звероголовые зубы скалят, у окошка маленького ложе под покрывалом цветастым, тоже низкое, резное, не иначе мастера из Кеми расстарались. Дерево позолотой сверкает, по углам – девушки крылатые и на подголовнике кости белой – такие же девы-осы. Поглядишь и не сообразишь сразу – то ли для ночного сна ложе такое, то ли для вечного.

Бросил я плащ-хлену прямо на пол каменный.

Задумался.

Ежели не врет базилей Шабак (врет! врет! врет!), здорово получиться может, не хуже, чем у гиксосов. Ливийцы пустыню как пазуху своей жены знают, а у Мернептаха, ванакта Кеми, войска на севере собраны. Пройдут ливийские стрелки пустыней прямо к берегам Итеру-Нила, наведут шороху возле Фив и Мемфиса, а тут и я пожалуй – от Газы и Аскалона.

Но почему Осирис? И Сет почему? Осирис, он вроде бы в Кеми первый бог...

– Тс-с-с-с-с-с!

Мог бы и не прикладывать палец к губам Мانتос-курет. Сам заметил: и как дрогнуло пламя в светильниках чадящих, и как неслышно провернулась плита в стене – как раз та, на которой самое страшное чудище нарисовано.

...Рассказывали, будто в Микенах, в Пелопсовых палатах, тоже есть такое. Вроде бы стенка, а за стенкой...

А за стенкой Уастис, богоравная царевна ливийская.

На куретов даже не взглянула, ко мне шагнула, склонила голову... на колени стала.

– Дамеда-бог великий! Дамеда-бог прекрасный! Дамеда-бог любимый! Дамеда-бог, беги!

Моргнул я только, подобное услышав. Даже не сообразил девчонку с коленей поднять.

– Отец мой – Сет. Ты – Осирис великий. Отец мой Кеми посылать, Кеми сообщать. Кеми корабли посылать. Отец войско собирать! Сет! Сет!

Поглядела на меня толстушка, да так, что вспомнил я наконец, кто такие Сет с Осирисом²³, боги великого Кеми...

– Диомед-Осирис, беги! Меня, меня бери, бог Дамеда! Служить, любить!..

²³ **Осирис и Сет** – в египетской мифологии – боги-братья. Сет из зависти убил Осириса. **Поля Иалу** – царство мертвых.

Хотел я ответить, хотел успокоить, но зашелестело что-то в углу, еле слышно, словно крылья Таната.

...Вместо ложа резного – яма черная. Сгнуло ложе, словно в Тартар провалилось!

А гетайры уже вещи собрали, уже и мечи в руках.

– Бери Уастис, Дамеда-бог великий. Уастис не жить, Уастис к богу Дамеду уходить!

...Не догадался я, свинья, собака неблагодарная, даже спасибо девчонке сказать. Схватили меня под локти чернобородые родичи, потащили... Так и осталась стоять на коленях Уастис, царица ливийская. Только мне вслед успела посмотреть.

Жаль, не сумел отвернуться!..

До самого Крита гнались за нами красные корабли ванакта Мернептаха Мериамона. Чудом ушел «Калидон» – ладно строят кемийские корабельщики, из цельного кедра, так, чтобы киль сам скользил по волнам. Только возле Феста пуст стал горизонт, исчезли короткие мачты с желтыми парусами.

Не сгубил злой Сет Осириса! А ведь узнай я об измене часом позже...

Не сгубил. Да только мало радости на душе у Дамеда-бога. Опять измена! За каждым углом, в каждой чаше на пиру, в каждой усмешке дружеской.

А может, этим и платят за Великое Царство?

* * *

В эту ночь я словно чувствовал что-то. Слишком близко подступил шелест невидимой реки, такой привычный, такой неотвратимый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.